

# Литературная газета

№ 60 (551)

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Вторник, 29 октября 1935 г.

## ЛИТЕРАТУРА

### И СТАХАНОВСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

Во всех областях социалистического хозяйства выдвигаются стахановцы, мастера высокой производительности труда. Стахановское движение, выросшее на основе сталинского документа «использовать технику до дна», открывает намеченные теорией о предельных нормах, якобы ограничивающих производительность нашей промышленности. Введены в действие мощные резервы человеческой инициативы, выращенной социалистическими отношениями, разубуженной той всемирно-исторической переменой в положении трудящихся, когда «труд становится делом чести, делом славы, делом доблести и героизма» (Сталин). Стахановы, Бусыгины, Виноградовы, Кривоусовы, дающие рекорды высокой производительности труда, не просто удачливые одиночки, вырастающие вперед: они выражают массовое движение, знаменующее качественно новый этап в развитии социалистического хозяйства.

«Надры решают все», — указав в своей исторической речи вождь народов Сталин. Опыт стахановского движения прежде всего замечательна богатством воплощенным в реальные, конкретные дела этого производящего указания т. Сталина. Перед нами люди, использующие полностью технику, но-настоящему овладевшие той сложной и важной культурой труда, которая вырастает из глубокой заинтересованности в своем деле, которую рождает величайшая преданность партии и советской власти. Мастера высокой производительности труда, стахановцы принадлежат к числу тех партийных и непартийных бойцов, которые умеют преодолевать все и всяческие преграды, для которых их конкретное дело освещено сиянием великих целей социалистического строительства.

Эти патриоты своей профессией, своего производством — лучшие патриоты советской родины. Так в могучем размахе стахановского движения находит свое отражение черты нового человека, того освобожденного Пролетария, который в творческой радости, в воодушевлении победными силами черпает все новые и новые силы. Так находят новое подтверждение истина, что революция раскрывает неисчислимое множество талантов и дарований, огромные резервы творческой энергии во всех областях жизни.

Литература СССР всегда черпала свои образы и краски из окружающей жизни действительности. Ее успехи неразрывно связаны с победами социализма, с триумфальным шествием коммунистических идей Ленина — Сталина. Подлинная на вершине истории человечества, великий народ нашей страны осуществляет мечты лучших умов, стремившихся отдалить очертания нового общества. Все богатство прошлого культурного наследия включено в новую социалистическую культуру, критически перерабатывающую все, что создано предыдущим опытом человечества. Литература, имеющая своим базисом социалистическую действительность, имеет незыблемые исторические преимущества перед всеми предыдущими поколениями художников, оспаривавшими противоречия, условностями и предрассудками собственного общества эпохи татого строя. В поле зрения художника появляются люди, в которых торжествует истинная человечность в которых героическая преданность делу коммунизма и несомнимая упорность, собственнической гордости, расовой и национальной вражды, бо- оставляют две стороны одного и того же процесса осознания великой правды социализма. Впервые герои, выходящие из истории выступают не индивидуальности, противопоставляющие себя массе, а люди, связанные с массами, выходящие из нее, выражающие чувства и настроения миллионов коллектива активных творцов жизни. Стахановское движение открывает для советских писателей новые черты героев советской литературы, и опыт стахановцев, их достижения должны прежде всего омолодить творчество писателей новыми человеческими образами.

Стахановское движение должно стать предметом подлинного творческого внимания писателей. Механическое перенесение стахановских методов в область литературного творчества или приращение к стахановским лучшим методам писателей может только дискредитировать и опозорить это, исторической важности, движение. Стахановское движение для писателя прежде всего источник нового художественного материала, помогающего осмыслить и описать во всей конкретности тип нового социалистического человека, осмыслить процессы, происходящие в нашей индустрии, уловить гигантские масштабы переделки сознания миллионов.

В наших индустриальных романах, очерках хотя бы на «Большой конвейер» Я. Ильина, уже даны первые контуры людей, чувствующих себя подлинными хозяевами жизни, ощущающими со всей полнотой высокую ответственность за свое дело перед великой родиной. Стахановское движение должно найти свое отражение в новых произведениях, посвященных социалистической индустрии, в первую очередь под углом конкретизации и углубления этих черт ведущего героя нашей эпохи.

Великий сталинский доктрина внимания к человеку является основным, направляющим указанием для художников, стремящихся овладеть средствами выражения нашей социалистической действительности. Вникая в жизнь, бережно, заботливо изучая тот прекрасный человеческий материал, который представляет Стахановы, Бусыгины, Виноградовы, Демченко, для того, чтобы показать читателю во всем размахе новых качеств лучших людей страны, — вот прямая задача инженеров душ, советских писателей.

Опыт редакции «Литературной газеты», собравшей исключительно ценные материалы, показывающие, какое богатство образов, характеров, биографий может быть почерпнуто писателем в нашей действительности, является предметным уроком для нашей литературы. Изучение писателями действительности за последние годы значительно подвинуло вперед. Но сколько еще замечательных тем, прекрасных образов ускользает от наших писателей!

Раскрыть в литературе те черты нового отношения к труду, которые в замечательной вышутельности отражены в стахановском движении мастеров высокой производительности труда, невозможно без самого настоящего о систематического изучения жизни людей, их дел, их борьбы и работы. Стахановцы должны стать героями будущих произведений о второй пятилетке. Великое движение, развернувшееся под знаком осуществления коммунистических указаний Сталина, будет рождением нового творческого вдохновения для писателей Советского союза.

## „КОЛХОЗНИК“

Задачи первого литературного, политического и научно-популярного журнала «Колхозник» — объединить писателей советской деревни — огромные и в аналитической степени новы. В отличие от «столетних» журналов, «Колхозник» хорошо знает и точно представляет своих читателей-колхозников, которые заслуживают того, чтобы в их молодом журнале, издаваемом при руководстве и творческом участии А. М. Горького, печатались произведения лучших писателей, ученых и публицистов Советской страны. Облик каждого журнала определяется запросами его читателей. Это, конечно, не значит, что «Колхозник» отгораживается от читателей индустриальных шестров. Присходящий процесс спирали граней между городом и деревней неизбежно отражается на содержании и форме печатающегося в «Колхознике» материала. Это вовсе не «ксерксивствующий» журнал, а орган передовой социалистической мысли, обращенный лишь в первую очередь в сторону деревни. Литературно-художественный отдел его по составу участников, так и по тематике представляет несомненно общий интерес. Достаточно указать, что М. Горький начал в журнале в течение года пять рассказов. Если прибавить к этому, что язык статей в рассказе, помещенных в «Колхознике», абсолютно чужд упрощенности и псевдонатурности, то станет ясной тенденция превращения «Колхозника» в новый, синтетический тип журнала.

Программа журнала — это продвижение в быт и сознание колхозников социалистического культурного отношения к действительности, это познание прошлого, это ознакомление с новой «областью» труда колхозника, углубление понимания земли, ее статьи и рассказы о «жизни людей труда в других государствах» (не предисловия редакция). В «Веселе» с сельскими — замечательной также и со стороны связи писателя с читателями — А. М. Горький эту деревню к знанию и искусству определял как «тутую» настроенность к решению вопросов культуры, великую жажду культурной жизни. Вот эту настроенность и жажду и призвал «Колхозник», по мере возможности, удовлетворять.

Короткая форма (рассказ, стихотворение, очерк, статья, речи, заметки типа «Смесь») позволяет «Колхознику» обходиться без «сплохождений» и делает его в условиях колхозного быта очень удобным для пользования. Журнал выходит пока сотымистами тиражом. Особо надо отметить строгое и в то же время живое оформление журнала — плотная бумага, чистый шрифт, обилие оригинальных рисунков — иллюстраций к рассказам и очеркам, цветные репродукции на отдельных листах и пр. Журнал, посвященный пропаганде культуры среди колхозников, должен и издаваться в культурном виде.

Незначительное количество рассказов в советской литературе в 1935 г. не позволило многим писателям быть постоянными сотрудниками журнала. Однако, кроме уже печатающихся в «Колхознике» Пришвина, Яковлева, Л. Соловьева, Зуба, Шторма, Шенгина, Чертовой, В. Гроссмана, Скормина, Макарова, Кокина, Дрозда, Соколова, Семеновского и др., в 1936 г. будут печататься Шолохов, Сефурдина, Фелин, Завурин, И. Катаев, Сметов, Копылова, В. Иванов, Сухов, Тынников, Вавель, Зарудин, А. Платонов, Л. Никулин, Финн и др.

Точном внимании к такому массовому проводнику культуры в быт, как «Колхозник». Особенно нуждается журнал в хорошей художественной песне.

Как известно, далеко не все произведения русской классической, а тем более современной иностранной литературы проникают в достаточном количестве в колхозную деревню. Это обстоятельство навело «Колхозника» на мысль время от времени знакомить читателей с указанными произведениями. Имена Гейне, Лемонье, Марка Твена, Пастернак, Смелли, Салтыков-Щедрин и др., произведения которых были помещены в журнале, говорят сами за себя.

С наиболее важными событиями, составляющими веку в истории революции, «Колхозник» старается знакомить читателей не в переломные моменты, а в полнейших. Так были посвящены в нем замечательная по простоте изложения и глубине мысли речь т. Сталина на выпуск академии, переизданы также речи т. Димитрова и Ван-Мина на VII конгрессе Коминтерна. В публицистическом отделе журнала принимают непосредственное участие такие мастера политического очерка, как Радек.

На 1936 г. намечены статьи по следующим вопросам политики и культуры: как остроумно советское государство, очерки разных стран, женщины в капиталистической деревне, школьное строительство, расы и народы (проф. Левин), белый террор, что мы строим в 1936 г., работы Госплана, о современной архитектуре, музее и т. д.

В отделе науки и техники участвуют заслуженные ученые, академики и талантливая научная молодежь. В 1936 г. будут помещены статьи, имеющие общепознавательное значение: по дарвинизму, космическим лучам, филологии, происхождениям земной флоры и фауны, биологии, географии Ньютона, Менделеева и пр., а также и по вопросам, имеющим близкое отношение к колхозному быту, например, производящие земледелия на север, ирригация, жизнь почв, биология, растениеводство, хранение урожая и пр.



Продолжая начатую нами серию выставок советских художников (см. № 58 «Л. Г.»), мы даем на страницах этого номера выставку худ. Кукрыниных. (Как известно, под этим псевдонимом выступают со своими совместными работами художники М. Куприянов, П. Крылов и Н. Соколов). На 1, 2 и 3 стр. воспроизведены работы, выполненные ими совместно, на 4, 5 и 6 стр. — индивидуальные вещи каждого из художников.

На фото: 1. Кукрынины. «Сергей Прокофьев». Дружеский шарж. Скульптура.

## „ИСКУССТВО“

Краткий и теоретический двухмесячный журнал «Искусство» начал свое существование после исторического апрельского постановления ЦК ВКП(б). Естественно, перед ним во всю ширину встал вопрос осуществления новых для нашей искусствоведческой прессы задач, которые вытекают из самого духа апрельского постановления и помощи борьбе за осуществление метода социалистического реализма в искусстве.

За последние время (журнал в янв. не исполнит три года) в «Искусстве» были помещены статьи о Стенберге, Богородском, Девяке, Кравченко, Самохвалове, Куприянове, Соколове-Скаля, Решетникове, Грекове, Бродском, Яковлеве С. Герасимове, Рязском, Шегале, Крылове, Калмане. Небольшие очерки, монографии посвященные были молодым художникам: Галонскому, Короткову, Лобанову, Лужомскому, Нискомскому, Олишному, Романину, Шурину и др. Монографические очерки о скульпторах: Андрееве, Чайковом, Стреле, Мухомовой, Шадре, Дюбанском, Лобановой. В № 5 и 6 за этот год будут напечатаны монографии о А. Герасимове, Е. Лансере, Петрове-Волыне.

В 1936 г. «Искусство» охватит количество помещаемых монографий на статьи расширения раздела рецензий на картины и скульптуры и сводных статей о группах художников, объединенных по жанровым или стилистическим признакам. Это даст больший охват изобразительного фронта.

Журнал отводит очень много места критическим статьям о выставках. Все более или менее значительные

выставки освещались на страницах журнала. В 1934 г. юбилейные выставки «Художники РСФСР за 15 лет» и «Выставка РККА» были посвящены специальным номерам (4-й). Номер первый за 1934 г. был посвящен теме «Ленин в изобразительном искусстве». Практика специальных номеров будет продолжена редакцией журнала и в будущем (так № 4 «Искусство» будет целиком посвящен теме реконструкции Москвы в свете изучения наследия, с одной стороны, и проблемы синтеза — с другой).

Искусство национальных республик и областей также свое отражение в статьях, посвященных Узбекистану, Белорусии, Украине, Башкирии, Казаху, Таджикистану, Туркменистану, Крыму и др. В 1936 г. будут освещены вопросы искусства в Бурято-Монголии, Киргизии, Грузии, Армении, Азербайджане, области немцев Поволжья и т. д.

Давая много места конкретно-критическому материалу в советском искусстве журнал стремится широко осветить наследие — русское, западное и восточное. Изучением классического наследия были посвящены статьи: «Лун Лавин и классическое искусство третьего столетия», «Шуссен и Иванов», «Стендаль об искусстве», «Монументально-декоративные веяния эпохи модерн», «Реализм Рембрандта», «Наследие Серова», «В. Г. Перов», «Сатирические рисунки Шмелёва», «Федотов», «Русская академическая живопись 70—80-х годов». К вопросу о художественном наследии античности и т. д. Номер второй

журнала за 1936 г. будет в значительной мере посвящен Революции.

С конца этого года журнал вводит постоянный раздел античного искусства. В этом разделе будут помещены статьи: «Искусство Греции эпохи расцвета» (В. а.), «Античная портретная скульптура» (посмертная статья крупнейшего антиковеда Вальдгауэра), «К проблеме реализма в греческом искусстве», «Как смотреть античный отел Эрмитажа», «Проблема ансамбля в античном искусстве», «Реалистический портрет в древнем Египте» и т. д.

На общетеоретических и методологических статей, пропущенных в журнале, стоит отметить «Формализм в живописи», «Проблема цвета в искусстве», «Искусствоведческие взгляды Великого», «Крамской — идеолог реалистического искусства», «Проблема монументальной живописи» и «Диалог в борьбе за реалистическое искусство». В 1936 г. журнал даст ряд статей по эстетике (Гегель, Шиллер, Гете, просветители). Специальная статья будет посвящена проблеме «Реализм и натурализм».

Журнал ставит задачей увеличить в 1936 г. удельный вес общих методологических статей, иметь постоянный раздел — обзорные западного искусства, периодически печатая биографические материалы, значительно расширить отел, посвященный революционному искусству Запала и состоянию западного буржуазного искусства в прошлом. Намечено также дать статей на тему «Фашизм и искусство».

## СТОЛЕТИЕ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н. А. ДОБРОЛЮБОВА

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). В январе 1936 г. исполняется это лет со дня рождения Н. А. Добролюбова. В Ленинградском союзе советских писателей разрабатывается ряд мероприятий, которыми будет отмечена эта знаменательная дата. Предлагается выпуск сборника памяти Добролюбова, проведение цикла докладов в клубы и дома культуры.

В издательстве «Academia» выйдет большой труд (около 20 печ. листов) ленинградского историка литературы

## ПИСАТЕЛИ В ЛИТКРУЖКАХ

Кроме того, правление ССП прикрепило к литературным кружкам писателей: А. Барто, О. Брика, К. Горбунова, Л. Овалова, Г. Серебрякову и др.

Для консультативной работы о литературных выделены: Н. Асеев, В. Вересаев, В. Гусев, Е. Зюльда, В. Инбер, В. Катаев, Л. Кассиль, В. Лидин, А. Малышкин, А. Новиков, П. Пруфой, Н. Ольгин, К. Паустовский, Л. Сталин, М. Соколов, К. Финн, В. Шкловский и др.

## АНТОЛОГИЯ РУССКОЙ ПОЭЗИИ НА АРМЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

ЭРИВАНЬ (Наш корр.). Союз советских писателей Армении приступил к составлению большой антологии русской советской поэзии на армянском языке. Организатора коллектива в составе Н. Зорана, Ре-

рещца, Х. Саркисяна. В работу включены все писатели Армении. Сейчас собираются материалы и подбирается переводчики. Антология будет представлять собой большой том (свыше 10.000 строк). Книга выйдет в будущем году.

## В БЕЛОРУССИИ ГОТОВЯТСЯ К ТОРЖЕСТВАМ

МИНСК. (Наш корр.). Белорусская республика готовится к октябрьским торжествам. Прошел предоктябрьский смотр художественной самодеятельности. На своеобразный фестиваль красноармейского творчества в Минск приехало до 1.500 чел. То, что было на этом фестивале (показано 200 номеров самых разнообразных жанров), — незабываемо.

Художники в связи с подготовкой к Октябрю устроят выставки. В Доме писателей БССР большим успехом пользовалась выставка белорусского пейзажа (работы народного артиста республики В. О. Голубца).

Белорусские композиторы к праздничным дням готовят 100 валезов. Некоторые из них выехали в патристичный Заславский район для организации новых хоров.

В Государственной библиотеке им. Ленина готовится большая выставка октябрьской политической и художественной книги.

## ОЛИМПИАДА В ОЙРОТИ

ОЙРОТ-ТУРА. (Наш корр.). К XVIII годовщине в Ойрот-Туре состоится первая художественная олимпиада. На олимпиаде будет продемонстрировано творчество ойротского народа, как-то: сказки и песни (алтайцев, тевенгов, чедканцев, кумандинцев, тубаларов, казков, маймаларов и тевенгов), музыкальные исполнения на народных инструментах (княди-алтайская скрипка, кай-копей, домра-казахская, домба, дудка-шоор) и др.

## Письмо Люк Дюртена

Недавно гостивший в Советском союзе французский писатель Люк Дюртен прислал на имя ответственного секретаря ССП СССР т. Шербакова письмо, которое мы здесь и публикуем:

Дорогой товарищ!

Вот я вернулся в Париж, после великолепной поездки по СССР, действительно чрезвычайно важной для меня. Не могу даже выразить, насколько я благодарен союзу писателей.

Во-первых, самое путешествие, а затем в каждом городе — от Ленинграда до Тифлиса, от Киена до Одессы — столько братских приемов.

Внутри увидеть величие роли, выполняемой писателями в СССР, действительно чрезвычайно важной для меня. Не могу даже выразить, насколько я благодарен союзу писателей.

Во-вторых, самое путешествие, а затем в каждом городе — от Ленинграда до Тифлиса, от Киена до Одессы — столько братских приемов.

И знайте, дорогой товарищ, что я Ваш

ЛЮК ДЮРТЕН

# МОСКВА В ОКТЯБРЬСКИЕ ДНИ

## Р А Д И О

По примеру прошлых лет Октябрьский парад и демонстрация будут реферированы по радио. Редакция радиогазеты «Последние новости» разработала общий план радиопередачи парада.

Писатели С. Третьяков, В. Гусев, С. Кирсанов, В. Агапов и С. Диконский будут реферировать парад и демонстрацию с Красной площади. Писательница В. Инбер и журналист Трубунов передадут свои впечатления от парада из Дворца пионеров.

Об Октябрьских торжествах в Ленинграде рассказует страна с площади Урицкого журналисты Суриков и Знаменский.

Октябрьские торжества в краснознаменной Кабардино-Балкарии являются темой радиозаписей, которые будут переданы 7 ноября из Агротехцентра радиостанции Нальчик и Осветки.

Радио победно прострывает. И, крохотка по Красной площади, москвичи услышат приветствия знакомых с Эльбурса, председателя областного совета Новой земли Тихо-Вилья, сообщения о том, как проходят Октябрьские праздники в Тифлисе, Ташкенте, Хабаровске и других городах Союза.

Лучшие люди нашей страны — творческие работники, ударились Стаханов, писатель Н. Островский, участники октябрьских и перекрестных боев — передадут по радио свои приветствия воинам победителей.

После парада Всесоюзный радиокomitee организует передачу трех пятнадцатиминутных концертов, в которых примут участие артисты-ровесники Октября и артисты-орденоносцы.

Вечером 6, а также 7 и 8 ноября перед микрофонами выступят крупнейшие писатели и поэты.

## Б У Д У Т

Будут переданы два символических концерта: новинки советской музыки и творчество композиторов Союзных республик. Специальный концерт намечено дать по звонкам стахановцев Магского завода.

Писатели С. Третьяков, В. Гусев, С. Кирсанов, В. Агапов и С. Диконский будут реферировать парад и демонстрацию с Красной площади. Писательница В. Инбер и журналист Трубунов передадут свои впечатления от парада из Дворца пионеров.

Об Октябрьских торжествах в Ленинграде рассказует страна с площади Урицкого журналисты Суриков и Знаменский.

Октябрьские торжества в краснознаменной Кабардино-Балкарии являются темой радиозаписей, которые будут переданы 7 ноября из Агротехцентра радиостанции Нальчик и Осветки.

Радио победно прострывает. И, крохотка по Красной площади, москвичи услышат приветствия знакомых с Эльбурса, председателя областного совета Новой земли Тихо-Вилья, сообщения о том, как проходят Октябрьские праздники в Тифлисе, Ташкенте, Хабаровске и других городах Союза.

Лучшие люди нашей страны — творческие работники, ударились Стаханов, писатель Н. Островский, участники октябрьских и перекрестных боев — передадут по радио свои приветствия воинам победителей.

После парада Всесоюзный радиокomitee организует передачу трех пятнадцатиминутных концертов, в которых примут участие артисты-ровесники Октября и артисты-орденоносцы.

Вечером 6, а также 7 и 8 ноября перед микрофонами выступят крупнейшие писатели и поэты.

## К И Н О

Во всех московских кинотеатрах с ноября с 10 до 4 дня будут показаны детские киносеансы.

В кинотеатрах «Художественный» и «Форум» организуется выставка на тему: «Октябрь в кино». В кино «Ударник», «Ура» и «ШКЮ» — на тему «Реконструкция Москвы». В кино «Орленок» и «1-й рабочий» — на тему «XVIII Октябрь» и в кино «Динамо» — «Оборона СССР». Кинотеатры «Орленок» и «Ударник» устраивают костюмированные карнавалы.

В фойе московских кинотеатров состоится концерт, беседа, сеансы одновременной игры в шахматы и встречи зрителей со знаменитыми людьми кино.

В Октябрьские дни на площадях и улицах Москвы будут работать 40 кинопередвижек. Фабрика «Союзкинохроника» выделит для съемки Октябрьских торжеств в Москве 30 кинооператоров. Трое операторов будут снимать демонстрацию с самолетов. Силами местных фабрик Союзкинохроника будут заняты также передвижки в Кивее, Тифлисе, Ташкенте, Бухаре, Нальчике, Анкабаде и т. д.

Фабрика Мосфильм выпускает в Октябрьские дни картину «Аргонавты» режиссера орденосца А. П. Довженко. Выпускаются также фильмы: «Меч и сердце», реж. Б. Юрнев, экспериментальный трехцветный фильм «Отважный моряк», одобривший

## К Л У Б Ы

Московские клубы встречают Октябрь организационные торжественные вечера, детских утренников и т. п.

1 ноября Дом кино устраивает встречу работников советской кинопромышленности со стахановцами московских предприятий.

К вечеру в одном из залов разворачивается выставка новейших киноаппаратов. После выступления ведущих мастеров кино и стахановцев гости просматривают последние выпуски кинохроники и фильм «Аргонавты».

Все происходящее в этот вечер в Доме кино будет заснято и киноплочку покажут в конце встречи ее участники.

4 ноября в Доме кино состоится премьеры «Аргонавты» Довженко. Оту картину выделит фабрика Мос-

## ВЫСТАВКИ, МУЗЕИ

Музеи ведут большую подготовительную работу к празднику.

В связи с исполняющимся в этом году тридцатилетием декабрьского восстания 1905 года Исторический музей подготовит выставку, посвященную первой русской революции.

Передвижка на тему «Расцвет культуры и искусства в республиках Советского Востока» готовит Музей восточных культур.

Музей Красной армии откроет в витринах одно из центральных маршинов выставку, посвященную гражданской войне и взятию Перерога.

В двух витринах развернется выставка Антисоветского музея. Тематика выставки — контрреволюционная роль церкви и религия в Октябрьские дни. Здесь, кроме фото и диаграмм, выставляются портреты-этюды, на которых под видом святых изображены дворяне Неллидовы, купец В. Грязнов, помещица Чихачева и другие представители правых классов революционной России.

В витринах магазинов на улице Горького будут показаны лучшие работы архитекторско-проектных мастерских Москвы.

На Куанском мосту развернется выставка новых произведений художников — Яковлева, Юла, Иогансена, Ражского и других.

## Ф И Л М

фильм считает своим Октябрьским репертором.

В Доме печати празднование значится с ноября концертом на тему «Октябрь в музыке, очерке и литературе», при участии лучших артистов и писателей; 5 ноября проведутся впервые большой семейный вечер встречи Октября, 6 ноября днем — опереточный Октябрьский концерт; вечером — традиционная встреча журналистов с полдефиним Дому печати красноармейцами и красными партизанами Фрунзенского района. Гости проведут в Доме печати весь вечер в переночку. Утром 7 ноября они отправятся на демонстрацию. 9 ноября устраивается большой вечер «Октябрь в кино». В порядке подготовки к Октябрьским дням проведены совещания редакторов районных и фабрично-заводских газет на тему: «Каковы должны быть Октябрьские номера наших газет?».

Клуб мастеров искусства подготовит обширную программу вечеров Октябрьского декада. Среди них — большой вывозный вечер встречи работников искусств со стахановцами организуемый клубом совместно с Батумским райкомом партии в театре ВКП(б). Доклад на тему «Искусство к XVIII годовщине Октября» следуют т. Я. О. Болдрский.

Специальный вечер будет организован Клубом для иностранных работников искусства, гастролирующих и живущих в Москве.

## О К Т Я Б Р Ъ С К И Е Д Н И

режиссерами Смирновым и Сутевым по сценарию, открытым оператором Мершиним, и мультфильм «Из дна», реж. Ходатаева.

Лепными выйдут картины: «Подруги», реж. Ариштан, «Сокровища погибшего корабля», реж. Браун и «Лунный камень», реж. Милкина и Сорокина.

Межрабочники выпустят картину: «У самого синего моря», реж. Эса. Делт. жок. В. Вярлет, «Ледовый поход», реж. Немолов, «Месяц май», реж. И. Свеченко, и комедия «Странности любви», реж. Я. А. Протазанов.

Союз советских писателей выделит для участия в докладах и вечерах, организуемых на московских предприятиях к Октябрьским праздникам, сто писателей.



# Змитрок Бядуля

К 25-летию литературной деятельности

## НЕУДАВШАЯСЯ ТЕМА

Двадцать пять лет назад, в сентябре 1910 г., в единственной тогда белорусской газете «Наша нива» появились небольшие импрессионные пейзажи Самуила Плавника, выступившего под псевдонимом Змитрок Бядуля.

Импрессионизм молодого начинающего писателя, составившие впоследствии сборник «Абраки», резко выделялись на общем фоне тогдашней белорусской литературы. В молодой белорусской прозе господствовали бытовая повесть, бытовая рассказ, в поэзии — сентиментально-слезливые оплакивающие доли крестьянина; Бядуля же пытался, отталкиваясь от быта, живо, осязательно осмысливать явления жизни.

Общность творческих установок в эти годы связала Бядулю с такими культурными мастерами белорусской литературы как Максим Богданович и Янка Купала.

Впрочем, в ту пору творческие установки Бядуля формируются под влиянием символизма.

Символические идеи ухода от действительности в таинственный мир мечты и фантазии находят в его стихах отклик на творчество писателя.

Одновременно со сборником импрессионных «Абраки» Бядуля помещает в «Нашей ниве» значительное количество стихов. Собственно говоря, и прозу и поэзию «Абраки» можно было бы с полным правом считать с его стихами, ибо она гекза отлична от его последующей, реалистической прозы.

В формальном отношении поэзия Бядуля являлась большим шагом вперед в белорусской литературе. В стихах его преобладали эпитетно-срочные картины природы, часто и в большом художественном чужьем он пользовался образами народной мифологии. Ритмические ходы почти всегда были необычайны, делался упор на внутреннюю созвучность стиха, на поэзию ритма, ассонанса.

В поэзии Змитрок Бядуля за годы 1910—1917 создал целый ряд замечательных, являющихся по силе произведений, выдвинувших его в первые ряды белорусских поэтов и поставивших его рядом с Янкой Купалой, Якубом Коласом, М. Богдановичем.

В стихах Бядуля еще сильнее, чем в «Абраках», проявляется общность его поэзии с русским и западноевропейским символизмом, хотя в свою поэзию он впитал все лучшее и своеобразие белорусского народного эпоса.

Сила и обаяние стихов Бядуля — в их ритмической сорности, простоте, близости к народной песне. Скульптурно-четкие и яркие образы народного творчества переплетаются с народной мифологией.

В годы импрессионистической поэзии

З. Бядуля подпадает под влияние белорусского буржуазного национализма. Писатель, отягченный мелкобуржуазным протестом, не понял социальной сущности великой и пишет полные мистического ужаса стихи о войне.

В поле женится Иуда, Молодуха его — смерть, (Юла жэнціца).

В другом стихотворении война изображена в образе Вавилона, где несчастные жены несут на алтарь бесчисленные жертвы и где матери, брошенные в огонь своих детей, счастливые отходят от востров.

Такие же настроения выражены в необычайном по силе стихотворении «Кляк» (Пілава). Чем больше Бядуля облизался к буржуазным националистам, тем больше он творчески перешел на позиции мистического символизма.

Но в эти годы он упорно работает и в области прозы. Им написан целый ряд повестей, многие из которых еще не превзойдены по силе мастерства в белорусской литературе: «Сондары», «Тута старога Міхайлы», «Бондары», «Злодзея», «Пяць лыжак зацірк», «Алчашліва», «Чараўнік», «Вядоўныя яйкі», «На калыдак сыну» и др.

Интересно отметить, что Бядуля — символист в поэзии — прозаиком произвел прозу исключительного реалистического маэра. В своих повестях он раскрывает (очень часто импрессионистически) трагические стороны дореволюционной, убогой, нищей, забранной белорусской деревни.

Во всех повестях Бядуля изображает крестьянина-бедняка, которого не навяллит деревенское начальство, попирает ногами кулачество, дает пресрадуху, поган с исключительной любовью, и сквозь ямор пробивается истинный трагизм.

Но Бядуля, как истинный революционный демократ, в своем дореволюционном творчестве не только изображает тяжелое положение бедняков масс крестьянства, он создает и образы крестьян-бунтарей, не желающих мириться со своим положением.

Чем же объясняется столь значительное отличие общественной позиции Бядуля от его поэзии?

Это довольно сложное явление. Задача расследования белорусского писателя, частично можно объяснить тем, что в эти годы молодая белорусская поэзия развивалась и одолевала символизм, постижениями русского символизма, который, как известно, и в России в то время был главенствующей литературной школой. Формирование же и развитие белорусской прозы проходило под влиянием

русской реалистической народнической беллетристики.

В 1910—1917 гг. влияние буржуазного национализма на творчество Бядуля было таким сильным, что автор в своей художественной прозе частично перешел к символизму, возродившая стиль ранних рассказов из «Абраков».

Змитрок Бядуля, крепко вошедший в буржуазно-националистическое окружение деятелей из «Нашей нивы» враждебно встретил Октябрьскую революцию. В 1917—1918—1919 гг. он пишет ряд фельетонов и прозаических, направленных против протракторской революции.

Но уже в 1922 г. писатель начинает частично отходить от националистических позиций. Он не может обойти те величайшие изменения, которые произошли со времени Октябрьской революции как в городе, так и в деревне. Он не может не заметить революционного аутизма среди масс трудящихся как в борьбе с внешними врагами и оккупантами так и в мирном строительстве во восстановлении народного хозяйства. И тут Бядуля-реалист подпадает Видулю-символисту, хотя целый ряд символически произведений, восхваляющих националистов, написаны им даже в 1921 г.

Победа Бядуля-реалиста означала переход писателя к тематике на жизнь молодой советской страны и протестное восхождение к «милитачным» и феодальным величиям прошлого Белоруссии.

В рассказе «На балоне» он изображает партизанскую борьбу крестьянства против белополяцких оккупантов, расправу крестьян над провокатором Бывальчиком. Тонко с большим мастерством и знанием дела создается в этих рассказах образ белорусского пейзажа, суровых лесов, обремененных партизан от своих врагов, не проходимых болот, тропинки которых вела только полетухам.

В рассказе «Панский дух» дана картина разгрома помещичьего имения.

Нельзя сказать, чтобы Бядуля во всех своих произведениях этого периода правильно понимал сущность происходящих революционных событий. Анархическая сторона революции улавляет его, он видит пока еще только разрушение, но не создавая новых устоев.

Удачные стороны реализма Змитрока Бядуля особенно ярко проявились в его последних больших произведениях, являющихся не только показателем творческой перестройки З. Бядуля.

Э. Бядуля относится к числу наиболее плодотворных писателей Белоруссии. За 25 лет творческой работы им создано большое количество прозаических и поэтических произведений, многие из которых составляют гордость белорусской советской литературы.

«А впереди», — говорит писатель, — я меня еще неопытный край тем и сюжетом о прекрасной зажиточной усадьбе, культурной жизни в объединенной Белорусской социалистической республике, созданной великой партией Ленина — Сталина».

А. Л. КУЧАР

Три года назад в издательстве МТП вышла книга М. Громова «Дошвед». Она заключала в себе начало истории крестьянского парнишки Галыки Прахна, сына красноварднейша, мальчишка добротного, скромного и озорного. Понесло же его в Москву, чтобы «посмотреть Ленина сына и еще трамвай».

Форма художественной биографии позволяла автору вводить любое количество эпизодов для характеристики его героя. Пользуясь этой возможностью Громова, он всегда удачно отбирал материал, в результате чего множество эпизодов, не прибавляя ничего нового к характеристике Галыки, делали книгу расширенной, громоздкой и тесной. К этому нужно прибавить, что, сосредоточив все внимание на Галыке, автор не подал лица тогдашней деревни, и ее люди бы не отдельные упоминания о Ленине, об отце-красноварднейше (умершем еще до начала действия) и о сельсовете, читателю трудно было бы решить в какое время происходит действие. Эти особенности делала «Дошвед» книгой социально неактуальной и литературно бледной.

Все это необходимо напомнить сейчас, когда Громова вынужден был продолжить историю Галыки в книге «Счастливые голоса».

Галыка, прибыв в Москву, попадает к беспризорникам, года три живет с ними, потом пол вливанием попадает

в школу, где обстановка располагала литературным занятием. Творческие способности казались, что в немые камни от этого развилась поэзия. Рабочая поэзия духовно обогатилась, заключенный. И не только это. Она участвовала в стихах и восставала, обсуждала мажоры и строила баррикады в дни, когда рабочие вставали.

Валили столбы телеграфа, Из проволочек ткали шиты.

А. Ноздрин был непосредственным участником знаменитых событий на Таганке, и потому неудивительно, что он тогда действовал не только как ткач, но и как поэт. Его стихи рождались из прокламации и подирирали эту самую прокламацию. Это были стихи, строгие, но не лишены поэтического чувства. Это были отклики на события, а не только сопроводили стачку:

Молчат гиганты-корпуса, Машины не грохочут, Но слышен лезвием голоса Востужных рабочих.

Нет ни дымы, слушен пар, Осталась работа.

Последним вышел котел Из парства тьмы и пота — не и стимуляторы ее, подыкали революционный тонус, заклады участвовали:

На мир, на уступки, на сделки Не шли мы и впредь не пойдем. Даже и через тридцать лет автору хочется все говорить и говорить об этом замечательном забастовке и об оном из ее вождей, Дунаеве:

Наша Така — малоречье, И Дунаев ей не быть, Но дунаевские речи Нам на ней не позабыть.

Только теперь этот разговор стал

уже много опозданнее, и поэт даже идет на калямбу.

Обоим стихам А. Ноздрин в том, что они локальны и не являются «места» и «обстановки». У него отличный глагол и чувство времени. Прелесть первой строки Советских рабочих депутатов и так о традиционном штампе, хотя и утеряла некоторые время у В. Борового-символиста, но легко ушел от туманной символики дореволюционных годов (1907—1908). Отбыва политическую ссылку, он, как поэт, сумел остаться действительным, выиграв в типичном и характерном.

Очень хорош конец «Яного из его стихотворений этого периода:

В селах кандалычонки любят, Бабы, их встретят, взгрустнут... «Вечные» — брови наспрут, «Срочные» — тужко влохнут. Заминается и северный пейзаж: Тоши севера воли, Много мошек, гада, У овен хвосты малы, А лесов — громада.

Но, конечно, если говорить о стихах Ноздрин по их литературным показателям, в конце концов придется прийти к выводу, что они довольно однообразны, имеют относительно бедный словарь и неотчетливые связи. Они провинциальны — и не только языком. Они ритмически неуклюжи, и желая ораторствовать, имеют трудную-то построения и не имеют.

И все же их значение очень велико. Ибо это — поэзия, которая являла революцию не столько как тему, сколько как действие.

Почувствительность этой книги — в показателе пути поэта, в ее тенденциях и устремлениях.

П. НЕЗНАМОВ

автор атакующего его прононства речи. Подражается, что если человек сумел произнести «такую» речь, значит он далеко ушел от беспризорничества. Но это чистейшая риторика, а не художественное изображение. Речь не убеждает. Последняя, третья часть книги, призванная показать Галыку комсомольцем, уже почти целиком состоит из его речи.

Таким образом, наиболее ответственная часть книги, наиболее интересная с точки зрения развития темы, сделана Громовым наименее удачно, схематично, неинтересно.

Эта схематичность приводит к тому, что интерес книги оказывается не в периодизации беспризорника и его сложности, а в пробном беспризорничестве. В отключении от мира автор дает полную галерею портретов беспризорников: Элисон, Иванка, Зина, Одноручка, девочка Отиний и сам Галыка, все эти ребята хорошо запоминаются и возбуждают у читателя симпатию к себе.

Сопоставление этих глав с последней частью книги, переизданной в скучных речах героя, лишний раз подчеркивает, что Громова, собравший интересный материал, не сумел его использовать.

Язык произведений Громова местами очень неровный. Здесь то и дело наталкиваемся на такие фразы: «женишка с ребенком у белой расквашенной гуды», «на паровозу казали тени с братныи затылками» и т. д. Отвечая, что внимательная работа редактора должна была устранить эти неподобающие искажения языка.

И. Л. РЫЖИКОВ

## СТИХИ И ПОДПОЛЬЕ

Уже не однажды находились окрестности, где обстановка располагала литературным занятием. Творческие способности казались, что в немые камни от этого развилась поэзия. Рабочая поэзия духовно обогатилась, заключенный. И не только это. Она участвовала в стихах и восставала, обсуждала мажоры и строила баррикады в дни, когда рабочие вставали.

Валили столбы телеграфа, Из проволочек ткали шиты.

А. Ноздрин был непосредственным участником знаменитых событий на Таганке, и потому неудивительно, что он тогда действовал не только как ткач, но и как поэт. Его стихи рождались из прокламации и подирирали эту самую прокламацию. Это были стихи, строгие, но не лишены поэтического чувства. Это были отклики на события, а не только сопроводили стачку:

Молчат гиганты-корпуса, Машины не грохочут, Но слышен лезвием голоса Востужных рабочих.

Нет ни дымы, слушен пар, Осталась работа.

Последним вышел котел Из парства тьмы и пота — не и стимуляторы ее, подыкали революционный тонус, заклады участвовали:

На мир, на уступки, на сделки Не шли мы и впредь не пойдем. Даже и через тридцать лет автору хочется все говорить и говорить об этом замечательном забастовке и об оном из ее вождей, Дунаеве:

Наша Така — малоречье, И Дунаев ей не быть, Но дунаевские речи Нам на ней не позабыть.

Только теперь этот разговор стал

уже много опозданнее, и поэт даже идет на калямбу.

Обоим стихам А. Ноздрин в том, что они локальны и не являются «места» и «обстановки». У него отличный глагол и чувство времени. Прелесть первой строки Советских рабочих депутатов и так о традиционном штампе, хотя и утеряла некоторые время у В. Борового-символиста, но легко ушел от туманной символики дореволюционных годов (1907—1908). Отбыва политическую ссылку, он, как поэт, сумел остаться действительным, выиграв в типичном и характерном.

Очень хорош конец «Яного из его стихотворений этого периода:

В селах кандалычонки любят, Бабы, их встретят, взгрустнут... «Вечные» — брови наспрут, «Срочные» — тужко влохнут. Заминается и северный пейзаж: Тоши севера воли, Много мошек, гада, У овен хвосты малы, А лесов — громада.

Но, конечно, если говорить о стихах Ноздрин по их литературным показателям, в конце концов придется прийти к выводу, что они довольно однообразны, имеют относительно бедный словарь и неотчетливые связи. Они провинциальны — и не только языком. Они ритмически неуклюжи, и желая ораторствовать, имеют трудную-то построения и не имеют.

И все же их значение очень велико. Ибо это — поэзия, которая являла революцию не столько как тему, сколько как действие.

Почувствительность этой книги — в показателе пути поэта, в ее тенденциях и устремлениях.

П. НЕЗНАМОВ

автор атакующего его прононства речи. Подражается, что если человек сумел произнести «такую» речь, значит он далеко ушел от беспризорничества. Но это чистейшая риторика, а не художественное изображение. Речь не убеждает. Последняя, третья часть книги, призванная показать Галыку комсомольцем, уже почти целиком состоит из его речи.

Таким образом, наиболее ответственная часть книги, наиболее интересная с точки зрения развития темы, сделана Громовым наименее удачно, схематично, неинтересно.

Эта схематичность приводит к тому, что интерес книги оказывается не в периодизации беспризорника и его сложности, а в пробном беспризорничестве. В отключении от мира автор дает полную галерею портретов беспризорников: Элисон, Иванка, Зина, Одноручка, девочка Отиний и сам Галыка, все эти ребята хорошо запоминаются и возбуждают у читателя симпатию к себе.

Сопоставление этих глав с последней частью книги, переизданной в скучных речах героя, лишний раз подчеркивает, что Громова, собравший интересный материал, не сумел его использовать.

Язык произведений Громова местами очень неровный. Здесь то и дело наталкиваемся на такие фразы: «женишка с ребенком у белой расквашенной гуды», «на паровозу казали тени с братныи затылками» и т. д. Отвечая, что внимательная работа редактора должна была устранить эти неподобающие искажения языка.

И. Л. РЫЖИКОВ

## КУКРЫНИКОВЫ

Все знают Кукрыников как блестящих и остроумных карикатуристов. Но очень немногие оценивают их значение как художников, место занимаемое ими в общем движении советской живописи. Кукрыниковы очень тесно связаны с литературой и печатью. А. Архангельский, который в своих пародиях проявил себя таким умным и тонким литературным критиком, так много сотрудничал с ними, что почти стал четвертым Кукрыниковом. Некоторые из самых популярных циклов Кукрыников как «Почти портреты», посвященные литературной жизни. В иллюстрируя к «Климу Самгину», они проявили редчайшую для иллюстраторов верность тексту и правильное его понимание. Все это как будто заставляет думать о них, как о каких-то своеобразных литературных художниках, интересующихся не столько по остроумному подходу к нему, но по которым их «литературщина» отделяет от основного массива живописи, как таковой.

Более близкое знакомство с работами Кукрыниковов легко обогатит всю серьезность такого мнения. Среди советских художников Кукрыниковы принадлежат к числу наименее зараженных литературщиной. Самыми прочными и многочисленными корнями они уходят в полноту-специфическую почву своего искусства. Они свободны от «литературщины» в своей трактовке чисто литературных тем, потому что, не обещая и не выходящая за пределы темы, они умеют целиком перевести ее на язык живописи (либо и в графике оно глубоко живописны), целиком овладевая темой, средствами своего искусства. По этому сочетанию литературности с полным отсутствием литературщины Кукрыниковы — прямые наследники Домье, которого у нас достаточно хорошо знают как великого революционно-демократического карикатуриста, часто не подозревая, что он был в то же время одним из гениальнейших живописцев XIX в., сопереживавшим с Рембрандтом и Гойей.

Конкретное ученичество у Домье и глубокая внутренняя близость к нему сказываются больше всего в портретах Кукрыниковов, особенно в последней серии портретов вождей большевизма. Эти изображения и дальше не доиспеченные вещи едва ли не самое значительное, что до сих пор создано всей советской живописью. Чисто живописное разрешение темы, полнота живописное качество фактуры, «поверхности» картин сочетаются в этих портретах с глубокой силой идейной насыщенностью, с исторически-обобщающими образами русской контрреволюции. Это то же сочетание высокой реалистической насыщенности (внутренне родственной творчеству великих реалистов литературы) с предельно живописной фактурой и с живописной выразительностью композиции, что, например, в «России третьего класса» Домье, «Перед «Махино» и «Аннековом» Кукрыниковов, олучших вещей его последнего периода, вроде «Теодора Нитте» или стихов, посвященных Есенину, где острейшая агитационность соединяется с мощным лиризмом и выходящая стиховой культурой.

Живописная культура Кукрыников не ограничивается их предшествующей деятельностью. Они впитали в себя наследие всей великой реалистической живописи Франции XIX в., в том числе и Курбе, Мане и Ренуара. В той линии русской живописи, которая наиболее близка к этой великой французской живописи нового времени (Сарон). Эта общая почва твор-

чества Кукрыниковов особенно брошается в глаза при знакомстве с «единоличным» творческим хозяйством каждого из них. «Единоличники» — это Куприянова, Крылова и Соколова, которые очень мало похожи, например, на последние антифашистские карикатуры Кукрыниковов, как «Правда» и очень схожа между собой. Эта близость в сфере, столь непохожей на их коллективную работу, подчеркивает органичность творческого единства этой тройки. Конечно, по своему значению «единоличное» творчество Куприянова, Крылова и Соколова — явление того же порядка, что творчество Кукрыниковов, хотя за последнее время, особенно Крылов — и независимо от своей кукрыниковской работы — выдвигается в первые ряды советской живописи. В таких случаях, как «Вантрак», «Портрет Колчак», «Портрет Е. К.» (Наташа Куприянова), но как инициальное среда, как постоянный фонд богатой и многосторонней живописной культуры значение «единоличного» творчества отдельных Кукрыниковов огромно.

В настоящее время Кукрыниковы, повидимому, все больше поворачивают от графики к живописи, и этот поворот закономерен, так как все их творчество в основе живописно. Другие советские карикатуристы — чисто графичны. Они работают исключительно линией и контуром. Рисунки Кукрыниковов живописны. Их картины лишены линейной сухости. Как бы они ни обобщали и упрощали третье измерение, их рисунки всегда трехмерны. Пусть, как в «Почти портрете» Юрия Либедникова (на обложке альбома «Почти портреты»), они обнимают графический прием, выходя из розетки пера волосом своей натуры, — шедевра Либедникова воспринимается не как узор на бумаге, а как реальная конструкция из тонкой проволоки или жесткого войлока. Эта трехмерность делает появляющиеся из недр живописной скульптуры (статуэтки-шары Мейерхольда, Станиславский, Сергей Прокофьев) и в скульптуре они остаются живописными. Их трехмерность живописно не имеет абстрактной, стереометрической «объемности» Фаворского. Их образы не «объемы», а живые, осуществленная человеческая плоть. В передаче выразительных частей человеческого тела они несправедливо. Достаточно вспомнить совершенно изумительный правый глаз Юрия Олени в портрете пародий Архангельского («О Вавеле и т. д.»).

С величайшим интересом мы ждем задуманных Кукрыниковыми больших полотен и монументальных росписей. Единственная, пока осуществленная, роспись (две комнаты в Доме печати) носит характер чисто шутовской. В ней есть изумительные, вроде Свения веселой выдумке детали, вроде Карла Радека в виде античного дучина, пуссающего стрелы в мишень капитализма. Вся роспись полна жизни, остроумия и вкуса. Но это, конечно, не «потолок» Кукрыниковов. Мы ждем от них глубокой по своей политической тематике и гармоничной по размеру большой живописи, что, например, в «России третьего класса» Домье, «Перед «Махино» и «Аннековом» Кукрыниковов, олучших вещей его последнего периода, вроде «Теодора Нитте» или стихов, посвященных Есенину, где острейшая агитационность соединяется с мощным лиризмом и выходящая стиховой культурой.

Живописная культура Кукрыников не ограничивается их предшествующей деятельностью. Они впитали в себя наследие всей великой реалистической живописи Франции XIX в., в том числе и Курбе, Мане и Ренуара. В той линии русской живописи, которая наиболее близка к этой великой французской живописи нового времени (Сарон). Эта общая почва твор-

русской реалистической народнической беллетристики.

В 1910—1917 гг. влияние буржуазного национализма на творчество Бядуля было таким сильным, что автор в своей художественной прозе частично перешел к символизму, возродившая стиль ранних рассказов из «Абраков».

Змитрок Бядуля, крепко вошедший в буржуазно-националистическое окружение деятелей из «Нашей нивы» враждебно встретил Октябрьскую революцию. В 1917—1918—1919 гг. он пишет ряд фельетонов и прозаических, направленных против протракторской революции.

Но уже в 1922 г. писатель начинает частично отходить от националистических позиций. Он не может обойти те величайшие изменения, которые произошли со времени Октябрьской революции как в городе, так и в деревне. Он не может не заметить революционного аутизма среди масс трудящихся как в борьбе с внешними врагами и оккупантами так и в мирном строительстве во восстановлении народного хозяйства. И тут Бядуля-реалист подпадает Видулю-символисту, хотя целый ряд символически произведений, восхваляющих националистов, написаны им даже в 1921 г.

Победа Бядуля-реалиста означала переход писателя к тематике на жизнь молодой советской страны и протестное восхождение к «милитачным» и феодальным величиям прошлого Белоруссии.

В рассказе «На балоне» он изображает партизанскую борьбу крестьянства против белополяцких оккупантов, расправу крестьян над провокатором Бывальчиком. Тонко с большим мастерством и знанием дела создается в этих рассказах образ белорусского пейзажа, суровых лесов, обремененных партизан от своих врагов, не проходимых болот, тропинки которых вела только полетухам.

В рассказе «Панский дух» дана картина разгрома помещичьего имения.

Нельзя сказать, чтобы Бядуля во всех своих произведениях этого периода правильно понимал сущность происходящих революционных событий. Анархическая сторона революции улавляет его, он видит пока еще только разрушение, но не создавая новых устоев.

Удачные стороны реализма Змитрока Бядуля особенно ярко проявились в его последних больших произведениях, являющихся не только показателем творческой перестройки З. Бядуля.

Э. Бядуля относится к числу наиболее плодотворных писателей Белоруссии. За 25 лет творческой работы им создано большое количество прозаических и поэтических произведений, многие из которых составляют гордость белорусской советской литературы.

«А впереди», — говорит писатель, — я меня еще неопытный край тем и сюжетом о прекрасной зажиточной усадьбе, культурной жизни в объединенной Белорусской социалистической республике, созданной великой партией Ленина — Сталина».

А. Л. КУЧАР

Три года назад в издательстве МТП вышла книга М. Громова «Дошвед». Она заключала в себе начало истории крестьянского парнишки Галыки Прахна, сына красноварднейша, мальчишка добротного, скромного и озорного. Понесло же его в Москву, чтобы «посмотреть Ленина сына и еще трамвай».

Форма художественной биографии позволяла автору вводить любое количество эпизодов для характеристики его героя. Пользуясь этой возможностью Громова, он всегда удачно отбирал материал, в результате чего множество эпизодов, не прибавляя ничего нового к характеристике Галыки, делали книгу расширенной, громоздкой и тесной. К этому нужно прибавить, что, сосредоточив все внимание на Галыке, автор не подал лица тогдашней деревни, и ее люди бы не отдельные упоминания о Ленине, об отце-красноварднейше (умершем еще до начала действия) и о сельсовете, читателю трудно было бы решить в какое время происходит действие. Эти особенности делала «Дошвед» книгой социально неактуальной и литературно бледной.

Все это необходимо напомнить сейчас, когда Громова вынужден был продолжить историю Галыки в книге «Счастливые голоса».

Галыка, прибыв в Москву, попадает к беспризорникам, года три живет с ними, потом пол вливанием попадает

в школу, где обстановка располагала литературным занятием. Творческие способности казались, что в немые камни от этого развилась поэзия. Рабочая поэзия духовно обогатилась, заключенный. И не только это. Она участвовала в стихах и восставала, обсуждала мажоры и строила баррикады в дни, когда рабочие вставали.

Валили столбы телеграфа, Из проволочек ткали шиты.

А. Ноздрин был непосредственным участником знаменитых событий на Таганке, и потому неудивительно, что он тогда действовал не только как ткач, но и как поэт. Его стихи рождались из прокламации и подирирали эту самую прокламацию. Это были стихи, строгие, но не лишены поэтического чувства. Это были отклики на события, а не только сопроводили стачку:

Молчат гиганты-корпуса, Машины не грохочут, Но слышен лезвием голоса Востужных рабочих.

Нет ни дымы, слушен пар, Осталась работа.

Последним вышел котел Из парства тьмы и пота — не и стимуляторы ее, подыкали революционный тонус, заклады участвовали:

На мир, на уступки, на сделки Не шли мы и впредь не пойдем. Даже и через тридцать лет автору хочется все говорить и говорить об этом замечательном забастовке и об оном из ее вождей, Дунаеве:

Наша Така — малоречье, И Дунаев ей не быть, Но дунаевские речи Нам на ней не позабыть.

Только теперь этот разговор стал

уже много опозданнее, и поэт даже идет на калямбу.

Обоим стихам А. Ноздрин в том, что они локальны и не являются «места» и «обстановки». У него отличный глагол и чувство времени. Прелесть первой строки Советских рабочих депутатов и так о традиционном штампе, хотя и утеряла некоторые время у В. Борового-символиста, но легко ушел от туманной символики дореволюционных годов (1907—1908). Отбыва политическую ссылку, он, как поэт, сумел остаться действительным, выиграв в типичном и характерном.

Очень хорош конец «Яного из его стихотворений этого периода:

В селах кандалычонки любят, Бабы, их встретят, взгрустнут... «Вечные» — брови наспрут, «Срочные» — тужко влохнут. Заминается и северный пейзаж: Тоши севера воли, Много мошек, гада, У овен хвосты малы, А лесов — громада.

Но, конечно, если говорить о стихах Ноздрин по их литературным показателям, в конце концов придется прийти к выводу, что они довольно однообразны, имеют относительно бедный словарь и неотчетливые связи. Они провинциальны — и не только языком. Они ритмически неуклюжи, и желая ораторствовать, имеют трудную-то построения и не имеют.

И все же их значение очень велико. Ибо это — поэзия, которая являла революцию не столько как тему, сколько как действие.

Почувствительность этой книги — в показателе пути поэта, в ее тенденциях и устремлениях.

П. НЕЗНАМОВ

автор атакующего его прононства речи. Подражается, что если человек сумел произнести «такую» речь, значит он далеко ушел от беспризорничества. Но это чистейшая риторика, а не художественное изображение. Речь не убеждает. Последняя, третья часть книги, призванная показать Галыку комсомольцем, уже почти целиком состоит из его речи.

Таким образом, наиболее ответственная часть книги, наиболее интересная с точки зрения развития темы, сделана Громовым наименее удачно, схематично, неинтересно.

Эта схематичность приводит к тому, что интерес книги оказывается не в периодизации беспризорника и его сложности, а в пробном беспризорничестве. В отключении от мира автор дает полную галерею портретов беспризорников: Элисон, Иванка, Зина, Одноручка, девочка Отиний и сам Галыка, все эти ребята хорошо запоминаются и возбуждают у читателя симпатию к себе.

Сопоставление этих глав с последней частью книги, переизданной в скучных речах героя, лишний раз подчеркивает, что Громова, собравший интересный материал, не сумел его использовать.

Язык произведений Громова местами очень неровный. Здесь то и дело наталкиваемся на такие фразы: «женишка с ребенком у белой расквашенной гуды», «на паровозу казали тени с братныи затылками» и т. д. Отвечая, что внимательная работа редактора должна была устранить эти неподобающие искажения языка.

И. Л. РЫЖИКОВ

## ПОЛИТИЧЕСКИЕ СТИХИ ФОФАНОВА

В огромном литературном наследстве К. М. Фофанова нами обнаружено большое количество шес политического характера, которые по условной царской цензуре не могли появиться в печати. Эти политические стихи Фофанова в значительной мере раскрывают установившуюся репутацию его как поэта политического, стоявшего в лагере от жонии страны, как поэта являющийся. Новоявленные тексты представляют Фофанова в несколько ином свете. Не говоря уже о крупном по размеру произведении «Железные времена» — о событиях 1905 года, запрещенном царской цензурой, мы имеем целый ряд лирических шес и эпиграмм на членов царского двора, великих князей и лиц из правительственного круга.

Еще совсем юным, в 1882 году (родился Фофанов в 1862), под влиянием стихотворения-акрости, из первых букв которого получается смеяло по тем временам фраза: «не надо нам лезть», Фофанов существовал и выразил этого стихотворения, меняющая шес заключительных строчек благодаря чему фраза меняется на еще более смелую «не надо нам царя». Само же стихотворение написано так, что, не зная секрета, невозможно заподозрить в его содержании какой-либо крамола. Привольно это стихотворение в двух вариантах, но без сохранения авторской орфографии и пунктуации:

Ничне месци жажета так ясно, Ей бы выйти со мной погулять. Но она под землю безгаласна. А могиле не вскрыться опять! Далеко убегают, сверхая, Огневные звезды... В саду Не пройдем ты, как прежде, А тебя, по привычке, я жду. Мне ты грешница в сладком бреду.

Целую длинную грустно темнеет. Ели хмурые, свинячущие в ряд, Небеса без тепла пламенют, Звонко рожнет волнистый каскад, Орошенная влагой осыма

Ровным пологом скрыла его. От меня ты далеко-далеко, В сердце грусть, а вокруг — никого!

Второй вариант — взамен последних шести строк дается четверостишие:

Цени страсти меня оковами, Ад любви расстрожила меня, Разбудили былые печали, Я горю от любви и огня!

Чрезвычайно интересные стихи Фофанова, написанные им на обороте открытки, изображающей вышедшую площадь Урицкого, где в 1906 году произошло вооружение рабочих и студентов казаками. На этой площади, как известно, стоит Александровская колонна с ангелом, который пел и поныне. По поводу этого ангела Фофанов и написал:

Надо ангела терпенье, Чтобы так терпеть, Чтобы, видя дни гонения, Молодежь избиение, Со стоиля не улететь!

1909 г. 12 июля.

К портрету Николая Второго Фофанов написал такие строки:

Он вами валуест лет десять, Но если корюшенько взвесить, Портрета кажется мне мало: Не доставало вам повесить И самого оригинала!

В заключении приведем остроумное четверостишие о свободе печати, представляющее интерес и как образец мастерства поэта, потому что построено оно на игре рифм:

Чуть пробуждается народ, Сейчас дадут ему уставы. Кричат: закройте-ка уста вы, И вам казудт печат на рот!

Подлинники произведений в этой статье хранятся в архиве поэта, находящимся ныне в Москве, у его дочери Екатерины Константиновны.

В. САМРЕНСКИЙ

Издательство «Academia» из богатого литературного наследия «последнего великого классического поэта Ирана» Джами выдвинуло четверостишие отрывок из «Бахарестана» («Восенний сал»). Можно только приветствовать это инициативу шаг в культурному обогащению Советского союза с Ираном.

Джами (1414—1492) — писатель больших масштабов и широких горизонтов. Классический период иранской литературы нашел свое завершение в его творчестве. Филолог, придворный художник, мистик, схоласт, историк, автор изумительных лирических лириков и семи эпических поэм, Джами соединил в себе типические черты великого предшественника его литературы Ирана. Великий энциклопедический словарь использовал все лучшее, что дали иранские классики, все, что можно было почерпнуть из Немани, Саали, Ферузи, и создал ряд прекраснейших произведений, среди которых поэма «Иосиф и Зулейха» полностью затмил и вытеснил одноименную поэму самого Ферузи. Его гласи по произвольному очарованию соперничают с гласами Саали.

Вярный классический иранский строфик, он сочетает с этим «классическим» весьма удельженный язык, изумительную плавность стиха, четкость поэтической мысли и точность изложения, в чем и заключается его творческое своеобразие.

За пять лет до своей смерти Джами создал свою единственную художественную прозу — «Бахарестан». Некоторые данные позволяют сказать, что «Бахарестан» был написан в поэтическом, а не в прозаическом жанре. Джами имел, безусловно, при составлении сборника «Бахарестан» определенную цель и определенную идею. Недаром весь сборник он строил из восьми глав, названных «Бахарестан» Саали и в соответствии с восьмию вратами мусульманского рая. В первой главе систематизированы изречения и афоризмы известных мистиков и подвижников; во второй — правила житейской морали и обучения мудрости; в следующей главе собраны анекдоты из жизни государственных деятелей; в четвертой — рассказы о велиководителях, шестеро и добродетелях; в пятой — о любви; в шестой — меткие слова; в седьмой главе автор дает биографические сведения об иранских поэтах с краткой характеристикой их творчества; последняя, восьмая, глава посвящена рассказам типа «милостивого эпоса». Здесь истории рассказаны анекдоты, изречения, афоризмы и др. предельно кратко со стихами, и в целом получается своеобразная форма антологического, и как в «Книге авадати-Усама-ибн-Мухаммада», «расказывающего» о расказах. Может быть, сведения этих рассказов более или менее оригинальны, но построение сборника вышло в готовую форму. Здесь мы имеем дело с произведением чисто кабинетного творчества, излагающего традиционным языком материал.

Вышедший изд. «Academia» пятый «Бахарестан» отличается полнотой, добросовестностью и знанием дела. Сказанное относится как

к редакционной стороне издания, так и к переводу. Переводчик К. Чайкин заслуживает большой признательности со стороны советских читателей. Перевод четвернадцати отрывков из сохранившегося прозаического стиля полноты и нескольких десятков стихов с соблюдением хотя бы только их строфики представляется нам делом большой инициативы и оригинальности. Книга написана журналистом. Поэтому с нее можно снять упрямые, которые были бы уместны в

# ВАЖА ПШАВЕЛА

Г Е Р О Н Т И К И К О Д З Е

Двадцать с лишним лет прошло со дня смерти Важа Пшавела. За это время в Грузии радикально изменились не только весь уклад общественной жизни и стиль национальной культуры, но и человеческая психика, даже характер пейзажа. Непроходимые предгорья, покрытые папоротником, превратились в чайные плантации, лимонные и апельсиновые рощи; горную Пшавхесуретию вытеснила автомобильная дорога, над хребтами, казавшимися поутру такими громадными и неприступными, перелетели аэропланы. Очень возможно, что наша эпоха коллективизации и индустриализации Важа Пшавела показывал бы еще более чуждой и непонятной, чем ему казалось современное ему грузинское общество, очень уже отдалившееся от его социальных и нравственных идеалов. С другой стороны, и для нас, для граждан советской Грузии, изменившейся и обновившей не только свои социально-экономические основы, но и общественный быт и художественную культуру, поэзия Важа Пшавела как будто должна была бы стать чуждой и непонятной. Что же мы видим? За исключением может быть двух-трех грузинских классиков, в Шота Руставели не только, никто в Грузии не вызывает такого страстного интереса, столько страстных отзывов, как Важа Пшавела: он как будто еще жив! Стоит в наших безветренных в своей мохнатой черной бурке, с своим белым балахонном воротничке, старинным широким книжком у пояса.

Где искать причину этого парадоксального на первый взгляд явления? Конечно не в одной только эстетической области. Главную долю очарования Важа Пшавела составляет то, что он глубоко оригинален без какого бы то ни было намека на манерность.

Сам Важа Пшавела в одном полемическом стихотворении свое творчество сравнивает с продолжением и страстным криком самца-олени, смотрящего с гор на долины.

Первое впечатление, которое Важа Пшавела вызывает своей личностью и своим творчеством, это мужественность в соединении с глубиной и устойчивой эмоциональностью. Мужественен не только его литературный псевдоним (Важа Пшавела значит муж пшавский), но мужественны и его лирика, герои его поэм, его горный пейзаж, так драматически взволнованный и так поразительно гармоничный фигурами; наконец сам Важа Пшавела мужественно прошел свой жизненный путь, как настоящий ствол, который как будто совершенно случайно сломан от крушения старого урало-русского общества и затерялся где-то в уединенном ущелье горной Грузии.

Правда, в этом отношении Важа Пшавела как будто не представляет собой исключения, а является только продолжателем лучших традиций грузинской классической литературы: мужественным героизмом проникнута наша богатая агриграфическая литература, начиная с V столетия, духом героизма веет от нашего средневекового рыцарского эпоса, прежде всего от «Витая в тигровой шкуре»

Руставели, от исторических поэм нари Арчила, Д. Гурамишвили, Н. Тбилиди, И. Чавчавадзе, А. Церетели и др., от трагических трагических судьбы грузинского народа, его многовековой борьбе за политическую самостоятельность и культурную самобытность. Но нужно сказать, что героика классической грузинской литературы есть прежде всего героика господствующего класса резко дифференцированного феодального общества, аристократии, рыцарского сословия, или же религиозных деятелей и мучеников, идущих на смерть за торжество христианских идеалов. Что же касается героики третьего сословия, она в нашей классической литературе почти совершенно не отображена: грузинские классики, в большинстве случаев аристократы по происхождению, мировоззрению и составным предрас- судкам, горскую буржуазную жизнь рисуют чаще всего в формах гротеска, сатире — в формах безыскусной идилии, они только робко и англоязычно отмечают героика рабочего класса или крестьянства.

В отличие от подавляющего большинства грузинских классиков, Важа Пшавела не является сыном феодальной аристократии ни по своему происхождению, ни по своей идеологии, но он и не демократ вроде Давида Чоквадзе или Игнатия Цинцишвили: он вышел из мало дифференцированной периферийной общины, из периферийного сельского общества, которое, говоря словами Фр. Энгельса, представляет собой предпротоиндустриальную форму, предшествующую расхождению человечества на противоположные и враждебные друг другу классы, и которое, как полагают исследователи Гакстауэна, Маурера, Морзана и др., было распространено не только на старом материке от Индии до Ирландии, но и в Америке. И вот, благодаря специфическим историческим и географическим условиям, эта периферийная община с общинным земледелием, родовым строем, языческим культом природы, свободным республиканским духом, выборными жрецами, судьями и военачальниками сохранилась в горной Пшавхесуретию до наших дней, мало подвергшись изменениям благодаря отсутствию крепостничества и иностранного ига, благодаря слабости влияния сначала грузинской феодальной монархии, а потом русского бюрократического государства.

Своеобразие Важа Пшавела как поэта объясняется, прежде всего, тем, что он ислел и образы для своего этического творчества, отчасти и для своей лирики, черпал из темных глубин народной поэзии, из тысячелетних мифов, созданных высокообразованным маленьким горским племенем, из седых сказок и легенд, навеваемых анонимными народными бардами, живущими понятиями времен Страбона. Поэтому его этические герои пронизаны впечатлением архаических монолитных названий, величественных в своей монументальной простоте. Они шагают как джиги, мычат как жертвенные быки, двигаются медленно и торжественно, как горные облака. В большинстве случаев они носят нехристианские, языческие названия или же названия животных (Мелника — волк, Давина — медведь, Джихван — тур, Дагалика — собака).

Пондхера — бажук и т. д.), невозможно датировать их биографию, они живут как бы вне времени.

Важа Пшавела получил спартанское воспитание. В одном своем автобиографическом очерке он рассказывает о первых впечатлениях счастливого детства, проведенного на лоне могучей природы, способствующей не только развитию художественного вкуса, но и размышлениям насчет самого себя. После ознакомления с тем же очерком и теми биографическими сведениями, которые нам дает его друзья и современники, нам становится понятным, почему от поэзии Важа Пшавела пахнет альпийскими пастищами и цветами, почему от него веет какой-то процианидной свежести воздуха. Как подобает настоящему пшаву, он рано научается рыбно ловить и охоте, спать на сеновале, топать скот на далекие косотеры, играть в мяч и бороться в «квирини» — своеобразный старинный грузинский спорт, напоминавший европейский бокс. Первые уроки поэзии он получил от матери, первые уроки стрельбы и охоты, а также наглядного знакомства с животным миром — от дяди, первые начала грамоты — от отца, который в молодости сам был упорным автодиалом, но в выборе материала при обучении сына проявлял довольно хороший вкус, рассказывал ему библейские легенды, позу Шота Руставели, биографию своих любимых героев, людей сильной воли и характера — грузинского царя Давида Возобновителя, Наполеона, Л. Гамбетту, В. Гюге.

Маленькому Важа Пшавела ничего не дава телавская школа, где для него в первое время не нашлось даже места на скамейке и где ему часто приходилось сидеть в камине, к счастью редко отапливаемом, чтобы слушать совершенно непонятные русские греческие и латинские лекции. Но свое среднее образование он закончил в образованной по тому времени горской учительской семинарии, руководимой прекрасными русскими и грузинскими педагогами, из которых некоторые были очень либерально настроены, некоторые же причастны к революционному народническому движению конца семидесятых и начала восьмидесятых годов. Отчасти в этой школе, отчасти же в петербургском университете, где Важа Пшавела пробыл короткое время, окончательно выработался его мировоззрение, представляющее своеобразный синтез греческого в понимании древних греков с пантеизмом в понимании Гете.

Но было бы в высшей степени неправильно представлять себе Важа Пшавела каким-то кабинетным, книжным поэтом, уснаждающим свои произведения цитатами и вдохновляющимся чужими идеями. Вся его дальнейшая личная жизнь и творческая работа есть возмущение и протест против усложненной дикорусско-буржуазной культуры Грузии, против вавилонского смешения языков и отсутствия единого стая, против сериализма и бюрократизма, против торжества и мещанского духа, поклоняющегося на прилавке старинных сабли с аршином и сетями». Легко понять, что он не выдержал душной атмосферы, установившейся ме-

сте с воцарением Александра III. Тщательно стараясь служить, не сумев приспособиться к людям, обаявшимся потерей теплого места, «спотыкаясь» способность смеяться, имел бурные столкновения с властью, подвергаясь и наконец буквально гласе беззастенчивому в свою родную горскую деревню, увезши с собой из замка князя Амхазвари любимую девушку, красивую подурочку, подкупая полуслужанку, устроил ей живописный свадебный кортеж от Мхед до пшавской Арагвы и, рыцарски защитив ее честь, ловким ударом кинжала отрезал ухо дерзкому пшавскому наглому певцу, который во время свадебной попойки, осмелился в импровизированной шайре задеть молодую невесту.

Двадцать семь лет он прожил в своем маленьком Чарали не как буржуазный, обаявшийся интеллигент, пресытившийся современной культурой, а как настоящее дитя природы, чистое и мудрое в оляо и то же время, сумевшее убежать из оранжерейной городской обстановки. Он страстно гонимся за оленями и турками и вместе с тем искренно оплакивал их смерть, потому что языческие сентиментальное восприятие природы не разрешало ему видеть принципиальную разницу между животным и человеком; он страстно любил своих началок (т. е. своеобразных «двоих сердец», которых пшавцы именовали «квирини» — своеобразный обряд, разрешающий ласкать и целовать, но не знать действительности), но свое обитание с ними сравнивал с положением любовника, навеки разлученного бурной горной рекой без моста и довольствуясь тем, что вилит друг у друга легкую уямбу. Но весенние и летние дни он проводил, большей частью, работая в саду, в огороде или на сенокосе, отстоящем часто на несколько километров от его сада; было, что он как одержимый бросался к своему коню, тут же привязанному, и скакал к себе домой, чтобы застелить ил ил ил, неожиданно его осаждавшие во время полевой работы.

Но писал он обыкновенно в длинные зимние ночи, часто при свете лампы за недостатком керосина, в сакле, состоявшей из двух маленьких комнат, лишенных не только какого-бы то ни было комфорта, но и деревянных пола и широких окон. Вспыльчивость, импульсивность, благородная гордость, сознание своего поэтического гения и своего человеческого достоинства ему несколько мешали быть простым и общительным со своими односельчанами и соплеменниками: он был завсегдатаем их праздников и твиз, выпивал вместе с ними вино из турного рога или серебряного ковши, пиво из глиняной миски или стального шлема, принимал участие в стрельбе, устраиваемой пшавхесурами для успокоения душ покойников, и очень часто брал установленный приз как лучший стрелок.

Он был очень сдержан в удовлетворении своих физических потребностей, но умел сильно любить и сильно ненавидеть; об этом свидетельствуют факты его жизни и его лирические стихотворения. В одном лирическом завещании он просит свою возлюбленную, задушившую свои черные глаза черной пшалью, чтобы она отрезала свои косы, они ему нужны в темном погосурном царстве как факелы для освещения дороги; в другом месте он говорит, что не верит в райские и смертные страсти, не верит, что кипучие любовные слезы, омывающие ресницы, могут превратиться в ледяные шпаны.

Он рыцарски относился к друзьям и женщинам, даже к торговавшим любовью, не лишая их своего общественного признания, но был совершенно беспомощен в устранении своего личного благополучия; поэтому много страдал от неопытности и грубости современного ему общества, очень низко оценившего его своеобразный гений. Когда он, против обыкновения, в 1915 году в Тифлисе спустился не поздней осенью с рукописями для редакций, а весной, чтобы показаться врачам, он был уже болел смертельным недугом на почве запущенного плеврита, подточившего его могучее здоровье. Он прожил только несколько месяцев в душевной городской больнице, все время тешно порываясь опять улететь в родные горы, похоронен в этом отношении на своей любимой горе — горного орла, влачащего по земле раннее крыло и отбывающегося от ворон. Но умер он так же стойчески, как прожил свои 53 года. Только перед смертью потребовал, чтобы пол его комнаты устлали свеженарезанными ветвями и свежескошенной травой; очевидно, он хотел заснуть на них, как засыпал в счастливые дни раннего детства.

Важа Пшавела стоит как-то обособленно в истории новой грузинской литературы. Нет сомнения, что на не-

которым образом повестили Илья Чавчавадзе своими «Заметками путешественника» и Рафаэля Эривастави своей «Родиной Хевсура»: кроме того, в особенности в последние годы его жизни, в его лирике слышны глубоко трагические мотивы, напоминающие лирику Давида Гурамишвили; наконец, он выявляет некоторое родство с сентиментализмом и романтизмом Александра Казбека. Но, с другой стороны, он очень далек от несколько суховатого интеллектуализма И. Чавчавадзе, от добродушия патриархального и идиллического Р. Эривастави, от проникнутого мучительным христианским сознанием Д. Гурамишвили, от декадентской болезненности А. Казбека.

Важа Пшавела прежде всего язычник, в его сознании христианский спиритуализм еще не успел прорваться между природой и человеком. Он на природу смотрит как на единое одухотворенное целое, проникнутое одним и тем же божественным сознанием. Его эпические герои борются с врагами, истекают кровью и умирают так же просто и бесслезно, как это делают его раненые тигры, волки и орлы. Но родственная связь между животными и человеком идет дальше: в одной поэме он рассказывает, как охотник, спрятавшись за кустом, во время темки привлекает страстно бегущего самца — оленя, подражая привычному крику самки; самец бросается к нему; он же затравленно смотрит на него, пораженный его мужественной красотой. В другой поэме охотник целый день бродит без всякого результата; вечером он неожиданно набредает на раненого тура, лежащего на краю обрыва; оленя голос говорит ему: «Что ты ждешь, Мтварели, стреляй, ведь тур — тоже дичь!», но другой голос отвечает: «Нет, брат, я не могу его убить: он такой же охотник, как и я; смотри, приподнял фалды, в погоне за дичью он пересек горы и долины!». Подняв кверху, Мтварели обмывает и прочищает его рану; после этого тур спокойно уходит; через несколько минут охотник на горе перед собой видит сначала силуэт оленя, потом тура и легко убивает их; тогда там же показывается морда тигра, сыравшего роль благородного злощазца.

Трудно найти другого поэта в мировой литературе, который обладал бы таким обостренным чувством для раскрытия тайн природы и для восприятия ее красот, каким обладал Важа Пшавела. То в трагически помысленных тонах, то в лирической лирике, то в этических образах, то в импрессионистических набросках он передает таинственное очарование лесного пространства, крик горного турка, доносящийся из глубокого ущелья, затененного предвзвешенными тенями, благоухание сочных лугов, оживленные альпийскими цветами, грозное величие высоких гор, как бы застывших в каком-то ожидании. Он ведет совершенно естественный диалог не только с животными и растениями, но и со скалами, он удивляется, что цель гор, составляющая такой гармоничный хор, не запоет хорал. В другом месте он жалеет, что природа его создала человеком, а не дождевой каплей; он, то повисая на груди облаков подобно бисеру, то уходя в землю, никогда не умирает бы, а вечно принимал бы участие в круговороте жизни; ибо в природе ничто не умирает, там происходит только метаморфоза.

Между грузинскими классиками мало таких мастеров, которые могли бы сравниться с Важа Пшавелой, с точки зрения нашего современного поколения. Он является образцом, достойным подражания и как человек, самоотверженно борющийся за свои нравственные идеалы, и как величайший художник. Его эпос насыщен образами, его лирика свидетельствует о могучем, страстном темпераменте. Его индивидуальное творчество оплодотворено соприкосновением с коллективным творчеством народа, он использует материал народной поэзии не как коллекционер-электик, а как активный творческий ум, отбрасывающий все лишнее и воспринимающий только то, что необходимо для его художественных целей. Он обладает классическим чувством композиции, его стиль энергичен и лапидарен, лексикон необыкновенно богат, сравнения неожиданны и оригинальны.

Правда, современное поколение не может принять, например, дикою обычая кровной мести, который часто заимствовал его герои и который, кстати, он сам осуждает. Но для всякого, кто не относится равнодушно к тем великим социальным боям, которые наше общество ведет для осуществления более ясной и мужественной культуры, должны быть понятны смелость и непреклонность героев Важа Пшавела, проявляемые им даже тогда, когда им, наподобие Зенандури из «Госта и хозина», к горду представляется хвостатый ехиднический князь.



Б. П. Крылов. «Портрет». Масло.

## Друго-драматургу

Мой дорогой! Скажи, как это все случилось? Вчера чуть свет ко мне твоя жена явилась, И зыкла меня, стена и скорбя, Чтоб я, мол, оказал влияние на тебя;

Она сказала мне, что дети и родные Завоюваны, что ты во власти злой стихии, Что гибельная страсть грызет тебя врасос, И что от имени семьи она взыскать SOS!

И вижу я тебя то болдым, то понурим, В рассеянном луче, под темным абакуром С жалостью у виска, подобьем козырька, В то время, как строчит усердная рука

С напором боевым, с неодолимой силой: «Акт первый. Первое явление...» Мой милый, Я знаю все. Решил ты пьесу написать, В ней будет акта три, а может быть и пять.

В ней будет молодежь резвиться молодежно, В ней будут старики, без них никак не можно, В ней будет отрицать значение любви, Пока... не запоют над рекою соловьи.

И станет ясно всем, что, мол, любовь есть то-то. А ревность ни к чему, и ну ее в болото! А в заключение железные слова О том, что нужно жить, о том, что дважды два, —

Как бы философы иные не чертили, — Не три, не пять, а раз и навсегда четыре. Ах, счастья бы ты был, когда бы был неправ, Но я боюсь, что ты «Чужой» напишешь «Сплав»,

Что жизни ты не дашь «Чуждому Ребенку!» Ты держишь не реценз, а попусту губенку! Чтобы причислять образчики идей! Тебе ли высказывать изирама людей!

Взаем затасканным, худощавым манекеном? И не поможет тут тебе Аудионоген, Кирион не даст тебе спасительный урок! А, впрочем... Может быть... Ну что ж, я не пророк...

Допустим, ты — поэт. Допустим, я ошибся. Допустим, ты — Шекспир плюс Кальдерон плюс Ибсен. Допустим, что тебе на деле удалось Развить характеры, найти сквозную ось

И показать людей в их радости и грусти, В борьбе стремительной и в отдыхе. Допустим. Цветочки творчества — веселый, яркий труд, Начнешь протаскивать — так агонии пойдут!

Ты будешь поделен на крохотные части Харидой Критики и Сицилоу Литчиса, Ты должен будешь дать немедленный ответ: «Зачем у вас герр мужина в цвете лет?»

Откуда набрался вы смелости и риска? Ведь режиссер женат! Его жена — артистка! Когда желаетш ты иметь от пьесы прок, Психологический создай ты поток.

Иные скажут так: «В пьесе много соли, И образы живут. И выписаны роли. Но почему тобой, ответишь соизволь, Интеллигенция не выявлена роль?»

Ни слова о метре! Геронке ни слова! На Абиссинию намека никакого! Молчаньем обойти коварный Ватикан! Так будет говорить какой-то критикан,

Проделав над твоей работой анализ. (Хоть РАИП'а нет у нас, нахрапцовцы останься. Иной, когда твою комедию прочтет, Сумеет предвзвять к новинке старый счет).

И будешь ты читать, с лицом белее гипса, Из едкие статьи... А впрочем, я ошибся, Допустим, что в Москве и Дикий, и Попов, И самый Мейерхольд принять ее готов;

Допустим, что Ростов, Одесса и Калуга Стремятся перебить твой опус друг у друга; Допустим, что твоя комедия у всех Восторги вызвала; допустим, что успех

Ей обеспечен и по бывшим захолустьям И в новых городах... Допустим так — допустим. Задумался ли ты, мой милый, хоть слегка, Хоть капельку о том, насколько велика

Ответственность твою? Запомнишь пьесу, Обычно автора шлют режиссеры к бесу; На репетициях, волеюном одержим, Себя почувствуешь ты лишним и чужим!

И будешь выгнать, как тень отпа Гамлета, Иль, прощя говоря, как зритель без билета; Ты будешь обречен на непреложный срам — Ведь ты своих детей воспитываешь сам,

А здесь ты вынужден на пагубные трюки, Родное дитя отдать в чужие руки! И в день назначенный ты, словно некий тать, Придешь своих друзей и недругов считать.

И занавес пойдет, и сцена оживится, И явятся тобой задуманные лица, И тут-то на тебя найдет кошмарный стих, Когда, вонстну, не узнают своих!

Какие выводы? Признаться, для острастки, Я преднамеренно сгустил все эти краски, Чтоб понять ты, ступив на свежее тропы, Чтоб ждал тебя отнюдь не розы, а шипы,

Чтоб не спешил прикинуть без должных оснований К плеседу молодых и свежих дарований. Но если, несмотря на иррациональность перспективы, Ты пишешь, за рога сюжет свой ухватив, То, если ты себя мечтаешь не тревожить И потому творишь, что не творишь не можешь. Тогда в чернильнице своей ты обретешь И страсть, и ненависть, и радостную дрожь.

Но помню истину, важнее, чем все законы: Храни традиции и презрай каноны. Вот все, что тебе поставить мож на вид. Будь по возможности здоров и даровит!



Б. П. Крылов. «Пейзаж». Акварель.

## ХУДОЖНИКИ АБИССИНИИ

В «Идилле» Гомера боги сражаются рядом с героями. На картине абиссинского художника, изображающего битву при Адуе в 1896 году, рядом с вожаком Мелника II сражаются архаичные Металла. В одной руке у него шест, в другой — африканское копье с лезвием утки и током, как лист осоки. Но на этой картине мы видим и то, чего Гомер не мог воспеть: итальянские и абиссинские войска лгут в бой, строй против строя, оцепившись винтовками. Попадали стоят пушки, похожие на допотопные бомбарды. Итальянский командир верхом на коне бежит с поля битвы, отстреливаясь из револьвера, а за ним мчится абиссинский всадник, потрясая тем же традиционным копьем.

Очень немного мы знали об Абиссинии. На русском языке было всего несколько десятков книг о стране черных христиан.

Поэтому то особенно ценна и интересна абиссинская выставка, организованная под руководством проф. Д. А. Ольдеропе в Музее антропологии и этнографии Академии наук. На ней выставляются, кроме других произведений, олеиды, утары, предметы религиозного культа, очень широко представлено и абиссинское искусство.

Абиссинские художники, безымянные живописцы, работающие главным образом при монастырях, не знают законов перспективы. Их картины, написанные туземными клевыми красками, напоминающими темперу, очень похожи на работы византийских мастеров и даже на египетские фрески. Сюжет картин развешивается только на переднем плане, заднего плана нет. Все герои повернуты к зрителю «анфас» или в профиль. Социальное положение той или иной фигуры показывается ее величиной. Слуга всегда много ниже своего господина, но и рост господина изображается его величиной при дворе раса или негуса.

Эта условность сочетается с своеобразным натурализмом. По абиссинским картинам можно изучить вооружение воинов, их одежду, сбрую боевых коней. Художники старательно подчеркивают в каждой фигуре пальцы, даже такую деталь, как ногти, которые всегда колят боевые протезы. В строю только большой палец ноги. На портретах, похожих на маленькие письма на старинные яконы, все-

мож изображены в фетровых плащах, которые вошли в Абиссинию в моду после победы 1894—1896 гг.

По одной эфиопской легенде святому отрубил ногу, но он встал е под мышку и спокойно пошел дальше. На картинах этот сюжет изображается не иначе, как с самым произвольным деревянным протезом.

До недавнего времени сюжетом абиссинских картин были обычно религиозные легенды. Это связано, конечно, с тем, что художники работали в монастырях. Любимой их темой была, например, легенда о проследившем соломоной двинатии. Другие художники изображали легенды об Александре Македонском, который похитил с себя золотую шапку, которую он должен был вернуть своему царю, который так заслушался пения, что нечаянно проткнул ему ногу копьем, а увеличенный пение этого не заметил.

Новые темы в абиссинской живописи связаны с партизанством Мелника II, победителя итальянцев при Адуе и своего рода «собратья Абиссинии», стремившегося уничтожить самостоятельность феодальных князей — расов. Батальная живопись занимает все больше места

в абиссинском искусстве. Характерная Большая картина посвящена борьбе Мелника с расом Абреха, который в 1910 году поднял восстание против негуса. Заметим, что рас Абреха воспринимается в итальянском колледже. Простодушному художнику, не зная законов перспективы, было очень трудно изобразить соответствие между пушкой и артиллеристом. Артиллерист вышел во много раз больше пушки, и художник для ясности написал сверху: «Пушка, стреляет».

Внизу под пушкой лежат убитые, тоже с характерной величиной: «велико». По этим величинам можно судить, каков агитационное значение имеет в Абиссинии живопись.

Яркие, небесные краски. Голубое, зеленое, розовое, желтое... Полутонов нет, как нет полутонов и в пейзажах тропической Африки, в красках абиссинских гор и долин, где написаны эти картины.

Две залы абиссинской выставки содержат столько экспонатов, что нам приходится ограничить наш очерк абиссинской живописью. Упомянем лишь об интересных образцах прикладного искусства — вышивках, ювелирных изделиях, работах на ка-

менном бисере и т. д. Все это — произведения подлинного искусства, свидетельствующие о художественном вкусе и таланте абиссинского народа.

На выставке есть и образцы абиссинских писем: геэзского алфавита, на котором написаны являя религиозного культа, а амхарского, которым пользуются в современной Абиссинии. Надо сказать, что если раньше грамотность в Абиссинии не выходяла за стены монастырей и являлась монополией специальной группы писцов, то сейчас уже грамоты много тысяч абиссинцев. Первые шаги делает абиссинская художественная литература.

Природные таланты абиссинцев еще скрываются восточными феодалами и попов. Абиссиния только начинает освобождаться от пут примитивной темноты и феодальных отношений. Но глядя на полотна, на вещи, сделанные руками абиссинцев, мы опущаем и смелость и воисную любовь абиссинского народа, стойко защищающего свою независимость.

Н. КОНСТАНТИНОВ,  
Б. РЕВСТ  
Ленинград.

Т р и б у н а

# ИСКУССТВО—ЭТО ТРУД

Засл. арт. республики А. ГОРЮНОВ

В последние время, с легкой руки А. Д. Дикого, появилось много высказываний различных деятелей театра по кардинальным вопросам нашей театральной жизни. С момента арельского постановления ЦК об искусстве практические работники театра стали все чаще выступать в печати. Это, конечно, очень хорошо. Но надо сознаться, что большого толка от этих высказываний нет. Поэтому желание высказываться сейчас уже несколько поостыло, и в этом смысле многим товарищам, которые вводят вопросы искусства, следовало бы подумать о том, что хорошо бы произвести проверку исполнения или, во всяком случае, только отвечать на высказывания деятелей искусства. Если же по какому-то вопросу ряд высказываний собирается, то надо бы относиться к ним с должным вниманием и делать практические выводы, улавливая их ведущую тенденцию. Вопросы советского театра глубоко волнуют всех нас, и приходится вновь и вновь констатировать некоторые очень существенные и опасные по своим последствиям недостатки и болезни театра в настоящее время.

В «Литературной газете», да и по существу дела, мне хочется особо выделить вопрос о драматургии. Высказывания актеров, режиссеров и авторов по этому вопросу за последние время были особенно обильны и особенно бесплодны по своим результатам. Более того, именно в этом вопросе была проявлена особая забота (организация драматургического конкурса и ряд других мероприятий) с тем же малозначительным результатом. Каким только советам, рецензиям давали драматургам, каких требований к ним не предъявляли! Актеры, которым по своей профессии положено быть на сцене, давали, как правило, себе хорошие, хорошие, хорошие отзывы, которыми их подарили наши драматурги.

И вот сейчас, когда раздается голос о кризисном состоянии нашего театра, я думаю, что полверга внимания подобные определения в отношении театра в целом, можно спокойно, но более превеличавшим, согласиться с тем, что драматургия наша очень и очень отстала. И, по-моему, чтобы крепче обидеть драматургов, надо употребить именно это определение. Пусть они почувствуют весь поворный смысл этого слова, которое в нашей стране наравне относится только к их области деятельности.

И вы хотели даже употребить по адресу театра резкое слово, как «кризис».

И вы хотели сейчас обосновывать это утверждение и тем менее давать дра-

матургам советы. Драматургия насущная огромного количества советских и настолько уже привыкли к постоянным укорам, что в своих высказываниях сами совершенно спокойно говорят и пишут о печальном положении, в котором находится драматургия. Но результаты от этого самобичевания также незаметно. Мне хочется расшаривать этот вопрос с его организационной стороны. Что мы в основном можем констатировать? На рынок поступает огромное количество пьес, большая продукция, результат большой работы, и это большое количество пьес оказывается плохим. Но я говорю здесь о пьесах, написанных квалифицированными авторами и передовыми нашими драматургами и молодыми и старыми. Мы наблюдаем совершенно другое явление. Мы получаем малое количество пьес. Мы прежде всего должны констатировать ничтожную продукцию наших драматургов. Вот этот факт мне кажется наиболее характерным и наиболее печальным для данного периода. Почему же это происходит? Я остановился на очень простом, но решающем, но весьма существенном моменте. Я думаю, что есть одна существенная ошибка заботы о драматургах. Мне кажется, что здесь драматургам следовало бы сказать очень простые слова: «Работать надо». Ведь в самом деле, малая продукция есть прежде всего результат малой работы, а малая работа есть в огромной степени результат, а бы сказка, отсутствия «привлекательных» работ наших драматургов. И вот этого, по-моему, не учитывают. Вполне, само по себе, стремление поставить творческих драматургов в такие хорошие условия, которые давали бы им ощущение творческой свободы, будучи проявлено в разумной степени, привело к обратным результатам. А именно: вместо хороших условий для свободной творческой работы, для которой, теоретически говоря, казалось бы вредна постоянная забота о хлебе насущном, получается, что драматург, написав одну хорошую пьесу, чувствует себя обеспеченным, по крайней мере, на ближайшее. И такое положение, по губокому моему убеждению, не только не стимулирует труд драматурга, а наоборот, лишает его ощущения того, что его профессия есть труд, творческий, и только который, может быть ему оплачен.

Некоторые наши удачливые драматурги поистине являются рантьеями, они одержали потрудились, если ни при этом сочувствуют удаче, не ощущают никакой потребности, никакого пожелания к труду и просто... «растопырялись». Я уверен, что если время, затрачиваемое на труд нашими драматургами, сравнить с одной стороны, с тем, сколько работает сейчас в

стране каждый трудящийся, а с другой — с тем, сколько работали мастера драмы и слова, классики наши и иностранные, то результат получится удручающий. Возьмем, к примеру, хотя бы юбиляра этого года — Лопе-де-Вега. Я точно не помню, сколько пьес он написал, но помню, что число их перевалило за тысячу. Неужели нужно напоминать нашим драматургам такую общепризнанную и ставшую привычной истину, о том, что искусство — это совсем не удовольствие, а, прежде всего — тяжелая и непрерывная работа. Только в этом случае оно может стать удовольствием для окружающих. Возможность бездельничать или поубедительничать уже печально отразилась на многих драматургах и писателях, которым грозит опасность полного забвения. А ведь ведь эти такое положение соотносить с собственным желанием. Я убежден, что оно является следствием, а позволю себе это слово, «распутности», неумения работать, а здесь во многом виноваты тепличные оранжерейные условия, в которых растут эти капризные цветы.

Говорят, какой-то, то ли испанский, то ли португальский, король сказал, что для того, чтобы писатель писал, его нужно держать в тюрьме. И не испанский король и не менее португальский, но должен сказать, что если сделать ссылку на его феодальную сущность и на то грубое время, в котором он жил, то, пожалуй, можно признать и правым. Во всяком случае, если его подлинным был Лопе-де-Вега, то успех его метода есть убедительное доказательство. Это, конечно, шутки, но несомненно здесь то, что только труд должен вознаграждаться.

И не хочу предлагать никаких рецензий. Но бесспорно, что когда по всей стране наблюдается колоссальное повышение производительности труда, которое помимо прочего стимулируется материально, в отношении драматургов и писателей, по-моему, следует идти также по этому пути. Довольно авансом! Надо вознаграждать труд. Неограниченное право писателя — получать высший гонорар за работу. Но система спринта купюры должна быть пересмотрена. Любопытнее, если он не дает возможности образования капитала. И вот почему последний закон об авторском праве, устанавливающий право неограниченного «перезаписания» удачной пьесы, действует в обратном направлении. Он не только не стимулирует выпуска новой продукции, а, напротив, поощряет некое почивание на лаврах прежде содеянного. Этот закон одновременно ослабляет и энергию театра по созданию своего ре-

пертуара. В самом деле, к чему беспокоиться об авторском акте, улетая драматурга идея о новой пьесе, когда можно, на основании закона, воспользоваться энергией и творческой инициативой, проявленной соседом. И уж не говоря об очень неприятном привычке художественной обидчивости, который возникает благодаря праву драматурга не связывать свою судьбу с творческим направлением театра.

Если говорить о самоучастии в театре, то надо все-таки согласиться, что ощущение неудовлетворенности у нас работников театра, несомненно есть. К сожалению, кажется, оно есть и у зрителя. Это обстоятельство не следует замалчивать.

Потому нужно очень внимательно проанализировать причины и принять какие-то практические решения. И не принадлежу к числу пессимистов и думаю, что со всем этим можно справиться, тем более, что театр, как таковой, обладает огромными ресурсами, замечательными кадрами. И уверен, что неблагоприятные в театре определяются отставанием драматургии. Весь богатый арсенал нашего театра и разнообразие его возможностей находится в огромной мере в бездействии потому, что у нас нет театра, нам нечем заняться.

И не хотел бы поставить себя в пелюшко положение, в которое поставила себя Диния своими сомнительными по глубине и осведомленности анализами история русского и советского театра, но в меру моей исторической осведомленности и убежден в том, что высокое развитие профессионального театра неразрывно связано с расцветом драматургии. Это убеждение и дает мне основание требовать смелых, эффективных и практических мер по обеспечению роста нашей драматургии.

И, конечно, знаю, что обстоятельство организационного и материального порядка является не единственными, может, и не главными причинами отставания драматургии. Но по принципиальным и творческим вопросам у нас высказываний было больше чем достаточно, и в то время как творческие организационно-правовые вопросы организационно-правового характера несомненно до сих пор остаются в тени.

Все мои соображения, предпринятые дружеской помощью на ваших драматургов и вместе с тем искренней уверенностью, что один факт последовательной усидчивой работы принес бы прекрасные результаты. Существующее же у некоторых писателей и драматургов представление о том, что дисциплинированный и регулярный труд в искусстве есть драматургия и литературная подлинность, является пагубным заблуждением, наносщим огромный урон нашему театру.



8. М. Куприянов. «Бульвар». Масло.

## З а р у б е ж о м

### «СВЕРХЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ»

В Гааге вышел орган «Транзиш» — крупный писатель, в которую входит Гертруда Штейн, Джеймс Джойс, Юллия Жюлас.

«Революционные» тенденции эстетской группы «Транзиш» никогда не шли дальше формальных приемов, имеющих целью «ангажировать буржуа». Теперь «Транзиш» все больше и больше сближается с мистическим и индийским духом, творчеством же членов является типичным продуктом буржуазного декаданса.

В манифесте, опубликованном в последнем выпуске «Транзиш» говорится, что современное искусство — это симптом кризиса цивилизации, и выражает симпатию революционной борьбе против капитализма. Но сама группа отказывается от какого-либо участия в этой борьбе. Вот отрывок манифеста, характеризующий программу группы: «Художник вновь развивает в себе древнюю восприимчивость, приближающую к восприимчивости примитивного человека с его мифологическо-магическим образом мысли, пророческими откровениями, мистической теологией, ясновидением, сверхчеловеческим мышлением. Это сверхчеловеческое мышление должно быть выражено посредством нового языка, состоящего из звуковых слов. Словотворчеством занимается главным образом Ю. Джюлас. Во время своей работы над «революционным» языком Джюлас получил от многих писателей первые отзывы. Американский революционный писатель Малькольм Коупл пишет следующее: «Язык не есть первичное явление, новые слова являются следствием новых социальных явлений. Ленин и Сталин содействовали созданию новых слов путем создания новых социальных условий. Заниматься в своем кабинете словотворчеством есть бессмысленно, как, если в борьбе Ритц, рассуждать о ранешности людей».

### ЛУЧШИЕ УМЫ НАХОДЯТ НУЖНЫМ ПОДЧЕРКНУТЬ С КЕМ ОНИ

Алра де Монтерлан в «Марьян» возвращается к мысли, которую он высказывал еще в 1933 г., а именно: он предлагает поставить в Алжире памятник туземцам Северной Африки, живя свою колонизацию за родину, защищая ее от французского. «Все же полагаю», — говорит Монтерлан, — что идея эта не лишена неопределенности. А кроме того, в момент итадо-абиссинского конфликта не худо хотя бы косвенным образом, сказать, с кем ты».

Комментарию в «Коммю» статьи Франсуа Мориака в «Фигаро», о которой мы уже сообщали, и по поводу статьи Монтерлана в «Марьян», Пьер Юнк пишет:

«Помышляешь чувство удовлетворения, когда видишь, что лучшие умы находят нужным подчеркнуть с кем они».

### КАНДИДАТ НА НОБЕЛЕВСКУЮ ПРЕМИЮ

За последнее время со страниц французской прессы все чаще раздается голос, поддерживающий кандидатуру на нобелевскую премию Рони-старшего, президента Голкуровской академии, которому скоро исполнится восемьдесят лет. Жан Ринар Блок считает, что это почетный и достойный шаг в долгу к Рони. «Мы обязаны ему», — пишет Блок, — некоторыми наиболее живыми формами нашего мышления».

### НОВАЯ КНИГА СЕЗАРА ФОБРА

В издательстве «Амаранор» вышла новая книга Сесара Фобра «Масло, подлежащее уничтожению» (Cesar Aubray «Viande à brûler»).

Сесар Фобра, до сих пор писавший только о морях (о его книге «Черное море» мы так давно сообщали), на этот раз темой своего романа избрал безработицу — ясное, подлинное «уничтожение». Судя по первым отзывам прессы, его новая книга — явление значительное. Критика отмечает прежде всего выбор темы — голод, драматичной, социально острой. Больше похвалы вызывает язык — красочный, необычайно богатый и сильный, язык парижского пролетариата. Очень хорошо протекли — живые, динамичные, законченные, написанные в них всеядно в сатирической манере, то веселой, то безжалостной. Среди слабых сторон книги критика указывает на некоторую схематичность, являющуюся следствием того, что автору не всегда удается претворить в своем языке в полномочные художественные образы. Местами моралист в нем сильнее художника.

### ФРАНЦУЗСКАЯ МОЛОДЕЖЬ ОТВЕЧАЕТ НА АНКЕТУ «МОНД»

«Монд» печатает первые ответы французской молодежи на анкету, целью которой было выяснить, в чем она стремится. «Молодежь хочет жить, а так как она хочет жить и не желает выносить дальше жестобитных учреждений, гнет старцев, увеличенных лаврами... так как она не желает, чтобы ее одурочивали наивными мечтами и понимает, что это общество рассчитывает на ее пот, ее кровь, чтобы поддержать свою разваливающуюся демократию, то она, эта молодежь, начинает поднимать голову и сжимать кулаки».

«Ее отцы воевали в годы 1914—1918 за «цивилизацию», как им казалось, воевали ради того, чтобы эта война была «последней». Но мы опять под угрозой войны. Молодежь хочет жить. Она хочет действовать. Она стремится к объединению. О, эта идея единства, столь близкая Варбюсу, как она дорога нам, молодым! Она — отличное оружие, которым будет решена наша победа». Так пишет безработный учитель двадцати одного года. Те же поты — призывы к этому фронту — звучат в письмах других.

## ПОБЕДА ФОТОРЕПОРТЕРА

Голубые шты Сыр-Дарьи, Урала, Сары-Су, Эмбы, верховья Тобыда и Иртыша разрезает желто-зеленую пустыню карты доревизионного Казахстана. Неподступают первые точки горюла, белая кибитка коммюналов, растет и сочный ценный капитал медленно движется к голубому пятну Аральского моря.

Дневные руки — и на мутные краски степей и пустынь падает блестящий прозрачный лист желофана. Корпуса новых заводов, шахты Караганды, нефтяные вышки, уверенные линии железных дорог возникают на безмыслии дотопе пространства. На Аральском море и озере Балхаш выносятся пароды. Карта оживает. Крайними отметками выступают памятные великих работ героического пятидесятилетия возрожденной страны.

Так открывается вымученный Изюмный альбом «Пятнадцать лет Казахской АССР».

Пять с половиной месяцев фоторепортеры Е. Лангмайр (руководитель бригады) и Д. Шувальский, посланные Изюмным в Казахстан, колесили по стране, имея одно звание — новоявленные объективом и надежда — новоявленные республикой. Двадцать лет жизни молодой республики в вагонах железных дорог, на автомобилях и аэропланах, на конных и верховых скачках они по пустынной еще недавно стране, выходящая это звание. Их работа — основное содержание альбома.

В четырех с половиной тысяч снимков в альбом вошло не более двухсот. Но и этого числа оказалось достаточно, чтобы показать лицо сегодняшнего Казахстана.

Чимкентский свинцоволамельный завод, Каракалинский медельный завод, третий уральский завод Союз — Караганда, Байкашский меде-

лавильный комбинат, Риддерский полиметаллический комбинат, Ульяновский гидро-электростанция, Эмба-энергия — свидетели первого десятилетия. Вместе с промышленностью растет и сочный ценный капитал медленно движется к голубому пятну Аральского моря.

Дневные руки — и на мутные краски степей и пустынь падает блестящий прозрачный лист желофана. Корпуса новых заводов, шахты Караганды, нефтяные вышки, уверенные линии железных дорог возникают на безмыслии дотопе пространства. На Аральском море и озере Балхаш выносятся пароды. Карта оживает. Крайними отметками выступают памятные великих работ героического пятидесятилетия возрожденной страны.

Так открывается вымученный Изюмный альбом «Пятнадцать лет Казахской АССР».

Пять с половиной месяцев фоторепортеры Е. Лангмайр (руководитель бригады) и Д. Шувальский, посланные Изюмным в Казахстан, колесили по стране, имея одно звание — новоявленные объективом и надежда — новоявленные республикой. Двадцать лет жизни молодой республики в вагонах железных дорог, на автомобилях и аэропланах, на конных и верховых скачках они по пустынной еще недавно стране, выходящая это звание. Их работа — основное содержание альбома.

В четырех с половиной тысяч снимков в альбом вошло не более двухсот. Но и этого числа оказалось достаточно, чтобы показать лицо сегодняшнего Казахстана.

Чимкентский свинцоволамельный завод, Каракалинский медельный завод, третий уральский завод Союз — Караганда, Байкашский меде-

славильный комбинат, Риддерский полиметаллический комбинат, Ульяновский гидро-электростанция, Эмба-энергия — свидетели первого десятилетия. Вместе с промышленностью растет и сочный ценный капитал медленно движется к голубому пятну Аральского моря.

Дневные руки — и на мутные краски степей и пустынь падает блестящий прозрачный лист желофана. Корпуса новых заводов, шахты Караганды, нефтяные вышки, уверенные линии железных дорог возникают на безмыслии дотопе пространства. На Аральском море и озере Балхаш выносятся пароды. Карта оживает. Крайними отметками выступают памятные великих работ героического пятидесятилетия возрожденной страны.

Так открывается вымученный Изюмный альбом «Пятнадцать лет Казахской АССР».

Пять с половиной месяцев фоторепортеры Е. Лангмайр (руководитель бригады) и Д. Шувальский, посланные Изюмным в Казахстан, колесили по стране, имея одно звание — новоявленные объективом и надежда — новоявленные республикой. Двадцать лет жизни молодой республики в вагонах железных дорог, на автомобилях и аэропланах, на конных и верховых скачках они по пустынной еще недавно стране, выходящая это звание. Их работа — основное содержание альбома.

В четырех с половиной тысяч снимков в альбом вошло не более двухсот. Но и этого числа оказалось достаточно, чтобы показать лицо сегодняшнего Казахстана.

Чимкентский свинцоволамельный завод, Каракалинский медельный завод, третий уральский завод Союз — Караганда, Байкашский меде-

## Б. Лапин и З. Хацревин ПЕРВЫЙ ВЫСТРЕЛ

Салоникские вязы, дающие шарку тебе во время июньского зноя, когда-то росли мелкими рощами и заповняли город своим зеленым потреском. Во время последней войны их срубил для постройки барачков. Теперь от декоративной армии деревьев остались только несколько столбов, выходящих на углу улиц Николая и Конституции.

Одна из них стоит у гостиницы «Макелония» и своей вершущей красавицы балкона, украшенного свежими листьями.

Утром мы увидели из окна садящую на балконе соседку. Переговаривая через перила, она приятным голосом кричала кому-то, стоящему на тротуаре под вязы: «Господин Дмитрий, то, о чем я вам рассказывала, — секрет, и с вашей стороны было не по-кавалерски болтать об этом на набережной».

Сегодня барышня Ксантье была одета в яркую безрукавку, и волосы ее были перетнуты светлой тесьмой. Она была толстая, и вся ее фигура была сомнительной прелестью балканского типа. Заметив нас, она театрально сконфузилась, покраснела и вбежала в комнату, оставив на балконе платок, на котором красными буквами были вышиты ее инициалы.

Скоро в дверь постучался колоритный. Войдя в комнату, он поставил на стол полное со стаканом горячей воды и лимон.

— Кафья сегодня не будет, — сказал он, показав в улыбке кривые белые зубы, — парня, который мелет зерна, на рассвете успела подстрелить.

— Разве в городе происходит волнения? — спросил один из нас.

— Ничего особенного, с вашего позволения. Греческое беспокойство. Через час все кончится.

Насел проглотил горячую воду, мы сунулись в респираторный вестник, где, как всегда, было солнечно и пахло городской пылью. В глаза бросались отсутствие порты на его высоком кресле, налет от вхола. На контрасте перед диваном зноящего телодвижения. Швейцар, стоявший на улице, подал к аппарату и, неуклюже взяв трубку обоими руками, завопил:

— Здесь никого нет... Говорят швейцар... Я не отвечаю за постоянство... Кажется, выбыл... Здесь никого нет... Мне имя... тут он вынул из кармана вышитый галстук... — имя — Сингидон Куляковалата...

Мы вышли на улицу, почти прохладную под тонью вязы.

Чистильщик сапог, подвижной малый в салдовом плаще и разбитой шляпе, трудились над голыми сапожками на свинной коже. Хозяин их сидел на стуле под зонтом в маленькой затененной будке и с декоративным отращиванием читал газету. Приблизившись, мы узнали Эпирта. Увидев нас, он приподнял шляпку и вежливо заметил: «Что вы скажете об этом тихом городе? Оно выживает, у него тоже есть своя структура. Я не советую вам забираться да-

леко вглубь. Сегодня утром на горе, там, где живут эти египетско-пальмы, за мной гонимой какой-то отвратительный грек, утверждая, что я — агент Кондиджия, и я спасаю от него просто чудом».

Подойдя ближе к будке чистильщика, мы увидели, что наш знакомый был действительно чем-то очень взбешен. Его худые руки охватывали газетные листы, горло бурно раздувалось, и весь вид показывал крайнюю степень волнения.

Мы позвонились третьего дня на парохле, шедшем из Смирны в Салоники. Этот человек называл себя Дубоном Эпиртом, журналистом из Дубина. Все, что можно было узнать о нем в первый же вечер, было известно от него самого.

В течение долгих лет он служил соотрудником информации различных газет, а во время войны ухитрился остаться в Дубине, как работающий на империю. Теперь, представляя себе, он решил провести трехмесячный отдых где-нибудь в тишине, в одной из стран с низкой валютой и дешевой едой. Кроме того, он обаятельно кокал кока. Он любил солонья — это дати туземцы. Выбор был на Грецию, и он приехал в Салоники вместе с нашим парохлом.

Совершая лавов, мазой и респираторный набор, над котормым высвистывал уже начинавшие сверкать балки Эпирта, перемалось криками толпы, разлаживавшие со стороны Ионийского бака.

По улице бежал человек, за которым гнался отряд военных матросов в пилотках, летящих косо, и в паркражающих почти дамских воротничках. Это была молодежь, не участвовавшая в войне и никогда не нюхавшая пороха. Они держали ружья наперевес и собирались стрелять. Их лица были горделивы в своем невешелости о ценности человеческой жизни.

Мы остановились за выступом дома. Прохожие, привыкшие к уличным стычкам, бежали кутаями, думая, что это свистит их от выстрелов.

Господин, за котрым гнались, одиноким, резко перевернулся на бегу и попытался скрыться в одной из отдал.

Матросы встретили. Шум оказался значительно громче, чем можно было ожидать. Из-за стены мы увидели человека, присевшего на корточки, держав за плечо, но это не был пагубный, которого проследовали. Вероятно, тот успел скрыться в одну из калиток и пробежал на улицу Шараскеви.

В Греции пенятся дома с двумя выходами, где выходящие «руки вверх» наткнулись на отдаленный стук двери.

Матросы не останавливались, volle что-то деформирующего человека, пролетели мимо, заглядывая на холу из сумок новые обоями.

Держась вместе с быстро выросшей толпой, мы подошли к месту происшествия. Человек, сидевший на земле, был почти весь в ян, может быть, улыбка, высеванная на его губы, была

странной радостью, — или мы ошиблись в судороге этого часа?

Эпирт, во все время этого происшествия продолжавший в бужде вхола в гостиницу подвешивать операционный чистильщик, встал со своего стула и пошел к нам.

— Чорт их всех поберит и нас вместе с ними, — расстроено сказал он, — отличный отдал выбрал я себе. Я не мог заснуть всю ночь из-за барышни Ксантье, которая до утра скакала у меня за стеной. Не знаю, доиспелся ли к вам ее стоны. Наша прекрасная соседка переживает сейчас сентиментальную горячку. Она познакомилась недавно с одним офицером, и он сулил ей золотые горы. Она сделалась долго: не так просто было решить, что ей выгоднее — уступить или нет. А с утра, едва я успел продать оч, как началось громовая стрельба. В течение двадцати лет подражал я слышу эти мыльные звуки, куда бы я ни приехал. Когда я жил в пансионе Маккадул в Дубине, в 1916 г., у меня сделалась несварение от ежедневных тревог, пока наконец врачам не успокоили. А в прошлом году я жил под Берлином, в саватриго, и в парке ежедневно устраивались парад и фейерверк из хаушплек под окнами. Что произошло сегодня? Милый мой. Утром греческая эскадра выбросила десант в родном своем городе Салониках, и солдаты заняли арсенал, порт и радио. Как вы не знаете еще, в чем дело? Против правительств выступили со своими приверженцами старик Венизелос. Об этом писали вчера в газетах. Он высался на острове Ритц. Но, скажу вам по секрету — ни здесь, ни здесь, ни здесь. Согласия подчас не найдешь. В отдалении, на острове выстрелили, опять послышался неясный выстрел. Старик в форме острого комиссионера, глядя на раненого, сказал: «Кончатся неизбежно прохладный». Нам подсадили, что он произнес эти слова с какой-то

сладостным шок. Кроме не было видно. Ружья его, прижатая к правому боку была скручена и вынуждалась в сумку илазика. Раненый тихо метал головой, и все лицо его выражало испуг, что он привлек такое большое общественное внимание.

На вид ему можно было дать лет тридцать или больше. Он был одет в коричневый шар с оторванной пуговицей, что при аккуратности салоникцев показывало, что он холост или вдов. Как-то расчувствовавшись женщина в белом жакете пыталась помочь ему встать, делая гипотетические жесты, как ребенку, но раненый громко замахал и вытаскивал во весь рост. Теперь скрываясь борт пылающая проступил голый комок крови, отпрыгивавший его кармак, как бутылки.

Когда он лег, ему, видимо, стало легче, потому что он заговорил и, делая вышалава слова, не мог остановиться.

Что за неприятный случай! — назойливо повторил он, — навяните меня, пожалуйста. Что же теперь делать?

— Здесь поблизости есть аптечка — заведем, — суетясь вокруг него, сказала женщина.

— Спасибо, — сказал он. — Это мне и нужно. Пожалуйста, скорее отведите меня в аптеку, я могу опоздать. Получается очень глупо и неудобно, если я не выйду на работу в первый день. Вы меня, пожалуйста, отведите в аптеку. Там перевяжут мою рану. Я могу заплакать вранью или сильнее, но я не хотел бы опоздать и потерять это место.

Понемногу любопытные стали расходиться. Двое мужчин грубо поднимали раненого. В отдалении, на острове выстрелили, опять послышался неясный выстрел. Старик в форме острого комиссионера, глядя на раненого, сказал: «Кончатся неизбежно прохладный». Нам подсадили, что он произнес эти слова с какой-то



7. М. Куприянов. Рисунок.

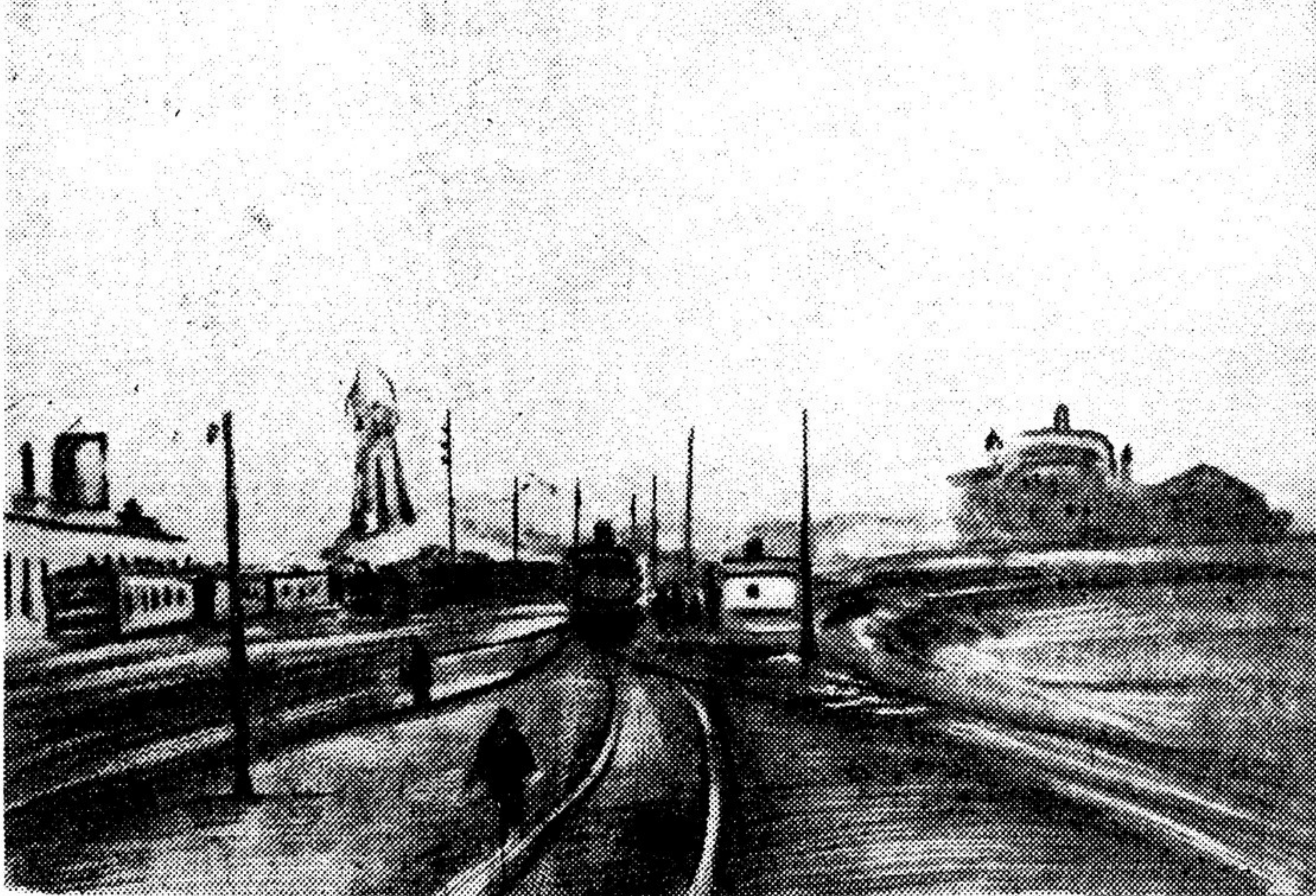
Из книги «Роман-путешествие», издаваемой в журнале «Знамя».

И. АНДРЕЕВ.

НОВЫЕ КНИГИ

советская литература

А. Веселый. Чапаны. Повесть о восточной культуре и белогвардейцах в тылу Красной армии в Среднем Поволжье в 1919 г. 168 стр., цена 3 р. 20 к. Кубышев, Крафт.



9. Н. Соколов «Железнодорожный пейзаж». Анварьев.

СТАХАНОВЦЫ У ЖУРНАЛИСТОВ

Лучшие стахановцы пролетарской столицы собрались 25 октября в Доме печати и вечер встречи с журналистами. В дружеской беседе поделились они опытом своей работы.

Выступившие гг. Тоня Ускова (фабрика им. Фрунзе), Столяров (завод «Динамо»), Николаев (завод № 37), Комиссаров и Ахалия (завод «Красный Пролетарий») рассказали о том, как почин мастера отбояло молоток Стаханова подлая позу волну творческого энтузиазма рабочих масс, как борьба за высокую производительность труда охватила все отрасли промышленности.

— Когда читаешь книгу, — говорит он, — невольно сочувствуешь кому-либо из героев и даже в жизни как-то стремишься ему подражать. Героям-стахановцам, вало изображая, рабочие стремились стать такими же энтузиастами.

русская классическая литература

А. С. Грибоедов. Горь от ума. Со статьей А. В. Луначарского и примечаниями Г. Пиралова. 176 стр., цена 40 коп. Москва, Гослитиздат.

детские книги

М. Горький. Рассказы. Книга выпущена по Школьной программе. 371 стр., цена 2 руб. Ленинград, Ленидетиздат.

Пленум огркомитета союза советских архитекторов

27 октября в Доме архитекторов открылся второй расширенный пленум всесоюзного оргкомитета союза советских архитекторов.

С докладом на пленуме выступил от секретаря оргкомитета г. Александров, охарактеризовавший работу, стоящую перед архитектурной общественностью в связи с подготовкой к первому всесоюзному съезду советских архитекторов.

Пленум обсудит вопрос о задачах и порядке работы съезда, о состоянии архитектурной критики, отчет советской делегации на международном конгрессе в Риме и т. д.



10. Н. Соколов. «Стадо».

КНИГА СЦЕНАРИЕВ

Восемь фильмов: «Красные дьяволы», «Броненосец «Потемкин», «Мать», «Арсенал», «Обломов вышедший», «Путь в жизнь», «Встречный», «Чапаев». Вот, в сущности, вся история советской игровой кинематографии в ее основных произведениях. Она охватывает двадцать лет (1923—1943). В начале — «Красные дьяволы» — фильм, который открывает самобытная советская игровая кинематография, вообще, фильм, восторг героев которого ассоциируется с восторгом советского кино. В последний этап, «Чапаев» — произведение высокого искусства социалистического реализма, фильм, выходящий за пределы привычных в большом политическом объеме, вызывая восторг десятков миллионов трудящихся.

Но сюжет далеко отходит от сюжета первоисточника (в книге почему-то не указан этот первоисточник), третий — «Чапаев» — озаглавлен «режиссерскими» (П. С. Васильевский) и «материалами Д. Фурманова и А. Фурмановой». Широкая известность фильмов делает из них самый популярный материал на экранах. Надо остановиться лишь на записке про них. Авторские сценарии «Красных дьяволов», «Броненосца «Потемкина» и «Встречного» либо не сохранились, либо очень сильно отклонились от того, что мы видим в картинах. В оформлении помещены сценарии этих трех фильмов, записанные в фильме лицами, не участвовавшими в их создании. Хорошо записаны «Потемкин» (И. Соколов) и «Встречный» (А. Галковский). Записки «Красных дьяволов» (В. Катанов) страдают рядом недостатков. Во-первых, автор вводит не выходящий из изучения сценария; во-вторых, он предостерегает читателя в обильных дозах свои домыслы, занимаемые «чужими в сердцах», т. е. добавляя к тому, что не видно на экране (например на стр. 45: «... видны чувствующие себя настоящими буржуазными и были робкими, что теперь мы никто не боимся выполнять те задачи, которые от нас перед собой ставили и о которых зритель узнает заранее»); в-третьих, он выводит в свое изложение сравнения, также являющиеся его домыслами и к тому же не обнаруживающие большого вкуса (например, на стр. 56 и 27: «Минка жалост, широк в плечах и крепко, как

железо», «девушка, красивая и гибкая, как стальная пружина»). Такая литературная, не имеющая отношения к сценарию, только мешает его восприятию. Проложение К. Юнова вымывает ряд выразительных. Касаясь вопроса о развитии советского киноискусства он пытается следующим образом характеризовать сценарий: «Место драматурга кино и киноискусства определенность всем ходом развития советского киноискусства, как одной из областей советского искусства, в советской системе производств фильмов как организации, создающей условия в полном смысле творчества художника. Этот человек в основном занимается в основном изучением киноискусства, как полноценного произведения искусства, получающего свое дальнейшее развитие в общественно-политический продукт искусства — в кинофильм» (стр. 9). Сказать так — это значит ничего не сказать, настолько это расплывчато. Так же нечетко (и при этом весьма спорно) сравнение функций драматургов — театральных и кинематографических.

Задвижное верно поставленной целью — определить место, какое занимает каждый из фильмов в общем процессе развития культурной революции страны и в общем росте и становлении советского киноискусства (стр. 11). Т. Юков делает это лишь в отношении «Красных дьяволов» и «Броненосца «Потемкина», — остальные фильмы разбирает он лишь поспешно. Отсутствие такого анализа — большой пробел всей книги. К тому же работа С. М. Эйзенштейна охарактеризована односторонне: единично акцентированы проблемы «Потемкина» и недостаточно обрисовано огромное значение этого замечательного произведения советского искусства. Неправ К. Юков, когда он отрицательно оценивает «обойденный жанр» (ту же ошибку повторяет в своей вольной статье составитель книги М. Шнейдер). Вель «Чапаев» так же является эпохой, он победил не только благодаря силе индивидуальных характеристик, но также и благодаря силе эмоционально-эпического охвата событий.

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

Лучшая книга о молодежи

Молодежь хочет читать о себе. Мы видим в книгах портреты своих товарищей, тех, кто стоит рядом с нами за станком и сидит за школьной партой.

Портрет молодого человека великой эпохи пытались дать многие писатели. Прочтите «Юности» В. Левина, «Девчонки» и «На пороге дзюджун» Эренбурга и почувствуете, что такую молодежь можно показать значительно ярче и глубже.

Сегодня государственный театр пр. Савалского отбывает сезон в новом помещении на улице Воробьевского проспекта «Волки и овцы».

31 октября группа самодеятельного репертуара при секции драматургов ССП и Центральный дом самодеятельного искусства устраивает вечер, посвященный одноактной пьесе.

31 октября в Государственной центральной библиотеке иностранной литературы состоится доклад т. Росси на тему «Итальянская литература после войны» (1918—1920 г.). Доклад будет прочитан на итальянском языке.

Завтра в Доме печати состоится вечер, посвященный творчеству Кукурузников. С выступительным словом о творческом пути художников выступит т. Д. О. Заславский.

В Академии архитектуры состоялось заседание посвященное колхозному искусству. Докладом на заседании выступил зав. отделом культуры-просветительской работы ЦК ВКП(б) т. А. Шербаков и ответственный секретарь оргкомитета союза советских архитекторов т. А. Александров.

Сегодня в редакции «Литературной газеты» в 7 час. вечера состоится совещание поэтов и критиков, на котором будет обсуждаться план подготовки к пленуму по вопросам поэзии.

Издательство «Советский писатель» приняло к печати роман Матвея Рязанова «Граница», изображающий быт пограничных жителей Белоруссии и Польши.

Цикл диспутов открывает 31 октября клуб мастеров искусств. Первый вечер будет посвящен обсуждению вопроса «Есть ли у нас художественная богема». Докладами выступят председатели ЦК район тов. Я. Воробьев и С. Михалев.

Сегодня в редакции «Литературной газеты» в 7 час. вечера состоится совещание поэтов и критиков, на котором будет обсуждаться план подготовки к пленуму по вопросам поэзии.

РЕДКИЕ КНИГИ

«БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ»

«Библиографические записки» выходили только в 1858, 1859 и 1861 г. Их редактор в первые два года был А. Н. Афанасьев, известный исследователь русского народного творчества.

В 1861 г. редакторами «Б. З.» состояли Н. Щепкин и Касаткин. Размер журнала был 4°. В 1858 г. вышло 24 номера, в 1859 и 1861 — по 20 номеров. К номеру шестому за 1858 г. приложен литографированный портрет Н. И. Новикова, к № 1 за 1859 г. — портрет Д. П. Фонвизина, а в № 1 за 1861 г. литографированный портрет А. Н. Радищева.

В «Б. З.» принимали участие виднейшие библиографы и историки литературы: Геннади, Милулов, Соболевский, Забелин и др. В журнале были впервые опубликованы многочисленные материалы по библиографии, литературе и истории стихотворения Пушкина, Лермонтова, Языкова, Батюшкова, письма Пушкина к брату Льву, письма и заметки Гоголя, письма Жуковского, Языкова, Карамзина и многих других.

В последнем, двадцатом, номере за 1861 г. мы встречаем следующие, не лишённые интереса, объявления:

«От редакции. Редакция «Библиографических записок» еще раз прощается с своим периодическим изданием на год или два, смотря по обстоятельствам. О возобновлении «Библиографических записок» при более благоприятных условиях, на которые более расчётливо выйдут, всем, интересующимся нашим изданием, своевременно будет заявлено».

Обещание, увы, осталось невыполненным. «Б. З.» более не выходила. В настоящее время этот ценный и интересный журнал встречается на книжном рынке сравнительно редко. В книге Н. В. Березина «Русские книжные редкости» о причине редкости «Б. З.» говорится следующее: «Редкость книги наших библиографов объясняет тем, что издатель ее (А. Афанасьев), живя в бедности, для того, чтобы закрыть шель в полу, из которых сильно дуло, разложил книгу по полу толстым слоем, таким образом она от него истерлась и, так сказать, уничтожилась».

Это замечание весьма интересно как примерная характеристика жизни и «обеспеченности» русских литераторов того времени.

Врид ответственного редактора Н. Г. ПЛИСКО. ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное объединение. РЕДАКЦИЯ: Москва, Сретенка, Последний пер., д. 26, тел. 69-01 и 4-34-60. ИЗДАТЕЛЬСТВО: Москва, Страстной бульвар, 11, тел. 4-68-18 и 5-54-69.

Государственное издательство художественной литературы. Вышел из печати и на днях рассылается подписчикам литературно-художественный и общественно-политический журнал «ОКТАБРЬ» № 10. Содержит: Два великих события в жизни Агрия Варбюса. Мартин-Андерсен Нессе — Художник, новелла. И. Шувов — Родина, роман (окончание). Александр Жаров — Писатель, Омертвевшие, стихи. А. Чапыгин — Гулящие люди (окончание). Евг. Домангоский — Юности, стихи. Александр Яковлев — Пути простого сердца, роман. П. Максимов — Любовный пест, стихи. А. Мусатов — Золото, рассказ. ПУБЛИЦИСТИКА. Алл-Астер Хемет — III Международный конгресс иранского искусства в Ленинграде. Мартин-Андерсен Нессе — Социалистический реализм. Литературное наследство В. Кирпичникова — Некролог. КРИТИКА. Е. Половинка — Агрия Варбюс. Н. Т. — О «Радости» Ал. Исаева.

Вышел в свет и рассылается подписчикам № 19-21 «ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДСТВА». Содержание: Рабочий фольклор XVIII века. Статьи С. Дмитриева, П. Я. Чаадаев на пути в Россию в 1826 году. Публикации Д. Шаховского. Из неопубликованной переписки И. М. Языкова. Г. И. М. Языков и В. И. Комаровский. Переписка 1831—1833 гг. Публикации М. Авадковского. П. И. М. Языков и Ф. В. Чижов. Переписка 1848—1849 гг. Публикации И. Розовых. Коммерческие амальгамы Грибоедова. Статьи П. Калмыка, Ф. И. Тютчева и его проблемы внешней политики царской России. Статьи К. Пятарева. П. И. Лавров и его корреспонденты. Из неопубликованной переписки П. Д. Лаврова и Г. Э. Елисеева. Непубликованные письма Г. В. Плеханова и П. Д. Лаврову. Вступительная статья В. Козыгина. ОБЗОРЫ: Судьба литературного наследства Дениса Давыдова. Обзор В. Орлова. Судьба литературного наследства Н. М. Языкова. Обзор М. Авадковского. Судьба литературного наследства Ф. И. Тютчева. Обзор К. Пятарева. Судьба литературного наследства Т. Г. Шевченко. Обзор И. Авадковского. СООБЩЕНИЯ: О текстах Лермонтова. Сообщение В. Яковлева. Новое о Лермонтове. I. Два новых автографа Лермонтова. Сообщение Н. Пасхонина. II. Новые письма Лермонтова. Сообщение В. Мануйлова и А. Михайловой. Портреты Лермонтова. Сообщение И. Пятарева. Гоголю рукопись и «Ревизор». Сообщение А. Некарасова. ХРОНИКА. Академическое издание полного собрания сочинений Л. Н. Толстого. В номере 14 страниц. 16 иллюстраций, одна цветная и одна фототипия. ЦЕНА — 22 руб. 40 коп. Однономерно продолжается рассылка подписчикам № 18-19 «Литературного наследства», посвященного Пушкину. ЖУРГАОБЪЕДИНЕНИЕ.